

The background is a dark, textured illustration. At the top, there are dark, jagged shapes representing mountains or hills. To the right, a windmill with four sails is visible. In the lower right, there is a small house with a chimney and a window. The overall color palette is dark, with shades of black, dark blue, and brown. There are several small white stars scattered across the scene.

Лора
Белоцван

ЮЖНОРУССКОЕ
ОВЧАРОВО

Лора Белоиван
Южнорусское Овчарово

Издательство "Livebook/Гаятри"

2017

УДК 82-344
ББК 84(2)6

Белоиван Л.

Южнорусское Овчарово / Л. Белоиван — Издательство
"Livebook/Гаятри" , 2017

ISBN 978-5-9909493-3-1

Лора Белоиван – художник, журналист и писатель, финалист литературной премии НОС и Довлатовской премии. Южнорусское Овчарово – место странное и расположено черт знает где. Если поехать на север от Владивостока, и не обращать внимание на дорожные знаки и разметку, попадешь в деревню, где деревья ревнуют, мертвые работают, избы топят тьмой, и филина не на кого оставить. Так все и будет, в самом деле? Конечно. Это только кажется, что не каждый может проснуться среди чудес. На самом деле каждый именно это и делает, день за днем.

УДК 82-344

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-9909493-3-1

© Белоиван Л., 2017
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2017

Содержание

Сгущёнка	6
Пока шёл суд	12
Карбид	16
Дураки	20
Охота на кальмара	26
English teacher	35
«Таун-эйс»	43
Семь звёзд	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Лора Белоиван

Южнорусское Овчарово

© Лора Белоиван, текст, 2017

© ООО «Издательство «Лайвбук», 2017

* * *

Стущёнка

Наша деревня носит странное для здешних мест имя – «Южнорусское Овчарово». Да и само место странное. Деревня расположена всего лишь в семидесяти километрах от Владивостока, а большинство горожан уверено, что она черт знает где. Между тем прямая и широкая федеральная трасса домчит вашу машину до поворота на Южнорусское Овчарово всего за тридцать пять минут. После знака следует свернуть налево, пересечь встречную полосу и, скатившись на двухполоску, проехать еще одиннадцать километров через лес, стараясь больше не обращать внимания на дорожные знаки и разметку.

Каменная стела, на которой высечено имя нашей деревни, установлена за пять километров от центрального в нее въезда, однако ровно напротив стелы имеется хитрое ответвление от основной дороги. Оно ведет вглубь леса. Если незнакомый с местными реалиями водитель

рискнет и съедет на эту ухабистую грунтовку, через два с половиной километра он упрется в заборы, объехать которые не сумеет по незнанию топографии. Штук шесть или семь широких ухоженных дорог, обещая объезд, приведут его во дворы селян. Лишь одна из них является настоящей дорогой. Летом она прячется в кустах дикого шиповника и разнотравья, зимой – в сугробах, и надо быть очень прозорливым человеком, чтобы с первого раза догадаться о ее существовании. Эта объездная дорога способна вывести путника в центр Южнорусского Овчарова, но, говорят, еще ни одному новичку не удавалось достичь цели таким способом: все, кто пробовал, сгинули в пути. Возможно, это объясняется наличием близких болот, чей гибельный воздух дышит в затылок и морочит голову. Честно говоря, мы не в курсе насчет болот. В той стороне мы присматривали себе дом, но ничего подходящего не нашли – в том числе и потому, что не смогли проехать дальше самых первых заборов. Хитрая дорога в тот раз спряталась и от нас; но мы не сгинули, а просто развернулись и выехали обратно к стеле.

Дом мы купили в другом месте. Из окна гостевой комнаты на втором этаже виднелся ветряк Константина Сергеевича, которого в деревне звали «дед Костик». Ветряк не крутился, и вся деревня считала, что дед Костик еблан. Говорят, ветряк он строил несколько лет, и какое-то время механизм действительно работал, питая Костиковы лампочки, а потом встал: что-то то ли заржавело из-за ненормальной нашей влажности, то ли сломалось в тайфун от дикого ветра – никто не знает. Факт тот, что лопасти ветряка было видно из гостевой комнаты, и лопасти эти никогда не вращались. Правда, нельзя сказать, что они не меняли положения: еще на первом году жизни здесь мы как-то заметили, что крестовина лопастей, еще вчера торчавшая в небо верхушкой буквы «Х», наутро переехала в диагональ. Но мало ли что ей взбрело.

Дед Костик, как и большинство местных, находился в давней оппозиции к компании «Дальэнерго». Враждебность жителей по отношению к энергетикам выразилась в том, что никто и никогда не оплачивал здесь счетов за электричество, полагая, что платить за некачественное и, к тому же, невидимое глазу фуфло не обязательно и даже глупо. Но однажды в канун зимы энергетика прислали всем счета с красной полосой, а затем, выждав короткое время, проехали по деревне на машине с подъемником и сняли со столбов провода.

Конец ноября в наших краях – очень печальное время: в последних его числах делается ясно, что внезапное похолодание до минус пятнадцати не является кратковременным, и что ждать потепления «на днях» уже не приходится – дальше будет только хуже. Потом, спустя пару или тройку недель, многие смиряются с фактом наступления зимы, а некоторые даже начинают находить в ней прелесть – например, возможность подледной рыбалки, или празднование Нового года и Рождества, или рождение теленка, или хотя бы отсутствие необходимости поливать огурцы и капусту. Но в самом начале морозов большинство народу находится в состоянии крайней растерянности и подавленности. Оно и понятно: чего стоит хотя бы тот факт, что именно с наступлением холодов абстрактное электричество, которого и так-то никто никогда не видел, вдруг начинает шутить шутки и выкидывать фортели. Измерители тока, установленные в зажиточных домах, в ту зиму показывали цифру, невозможную для практического применения. 130 вольт на входе – этого хватало для тусклого свечения ламп, но было катастрофически мало, чтобы оживить бытовые приборы. Именно тогда овчаровцам пришли бестактные счета с красной полосой. После чего мстительные энергетика и проехали по деревне, останавливаясь, подобно блудливым кобелям, у каждого столба.

И Южнорусское Овчарово накрылось тьмой. Все, кроме подворья деда Костика. По вечерам у него были ярко освещены не только окна, но и амбразуры крольчатника и даже щели уборной. Деревня недоумевала, но не показывала виду.

Конечно, нашлись и штрейкбрехеры, платившие за свет. В их числе были мы. Но штрейкбрехеров набралось слишком мало, чтобы энергетика пошли на мировую. Две недели деревня палила свечи и проклинала «Дальэнерго» и его детей, пока в скандал не вмешалось губернское правительство: энергетиков убедили повесить провода на место, а Южнорусское Овчарово –

подписать бумагу с клятвой об уплате долгов в рассрочку, до конца будущего июня. Провода повесили на все столбы, кроме того, который стоял напротив Костикова дома. Дед Костик сказал, что ничего подписывать не будет, потому что у него ветряк.

Вечером того дня, когда энергетики вернули Южнорусскому Овчарову ток, случилось ЧП. Соскучившиеся по электричеству селяне разом включили в розетки все, что смогли. Деревенская подстанция, много лет дышавшая на ладан, полыхнула, как бумажная, и даже пожарным было ясно, что тушить ее нет никакого смысла. Наутро глаз местного населения мог бы порадоваться грудам покореженного обугленного металла: это был самый настоящий труп врага. Но даже полудикие деревенские кошки понимали, что на сей раз Овчарово осталось без электричества всерьез и надолго. Мы и еще несколько семей купили дорогие корейские генераторы.

А остальные жители Овчарова потянулись к деду Костику.

Конечно, не сразу и не все, а по одному, по двое, по трое люди приходили к нашему соседу, мялись у калитки, и дед Костик выходил в валенках на босу ногу (если точнее, то был он одет в ромашковые трусы и телогрейку нараспашку – так, что был виден худой седовласый торс). Полуголый старик, извиняясь за ромашки, жаловался односельчанам на жару, и те вопросительно глядели на старика, на распахнутые форточки его дома, на замерший буквой «Х» ветряк и на трубу, над которой уже давным-давно никто не замечал дыма.

Затем ходоки, переговорив с дедом, кивали и убирались восвояси, чтобы вскоре появиться вновь. Теперь они несли пустую кастрюлю или ведро – кому сколько было нужно. Говорят, дед Костик не жадничал. Он брал тару, заходил с нею в сарай и выносил обратно, явно потяжелевшую и уже обвязанную сверху тряпицей. Когда паломничество к деду сделалось массовым, он попросил приходиться с ведрами из-под корейской штукатурной мастики: во-первых, они большие и, значит, не надо приходиться дважды; во-вторых, корейские ведра плотно закрываются пластиковыми крышками, и в этом случае деду Костику не нужно морочиться с полотенцами и скотчем.

Наши соседи тетя Галя и дядя Вася наведались к деду в числе первых, и в их доме появился свет. Тетя Галя пересказала нам дедову бредятину, которую он нес, выдавая односельчанам потяжелевшие ведра. По его словам, он раздавал людям сгущенную темноту – или, как он ее называл, «ночную сгущенку». Самое примечательное, что жители Южнорусского Овчарова, даже перейдя на этот альтернативный источник освещения и обогрева, пользуясь им направо и налево и вообще зажив припеваючи, так и не поняли, каким образом все это дело работало. Просто убедились в эффективности дедовой продукции, не пытаясь вникнуть в природу трансформации ночной сгущенки в электричество.

Да и сам изобретатель, честно говоря, с ходу не смог объяснить сути открытого им явления. Вдобавок альтернативный овчаровский энергетик разнервничался и нажрался накануне приезда телевизионщиков.

– Ну, смотри, блядь, – шатаясь, говорил дед Костик в интервью Первому каналу, – по ночам у нас как? Темно, аж пиздец, да? Это значит что? Это значит, что все, блядь, не так просто. Точней, все, блядь, не просто так. Это значит... – Тут дед Костик поднял корявый палец и значительно пошевелил им в направлении неба. – ...что темнотой можно пользоваться. Если темноты по ночам так дохуя, то это значит, она бесплатная, как вроде, блядь, говно. Неужто ее применить нельзя, так сказать, в мирных целях, если ее так дохуя и она, блядь, бесплатная? Говно можно, значит, применить, а темноту, блядь, нет? – объяснил дед Костик и резюмировал: – Так я думал и оказался прав.

Из-за того, что дед Костик был выпивши, сюжет про переход Южнорусского Овчарова на самодельное электричество не показали. И это было очень кстати, потому что овчаровцы уже начинали опасаться, что при массовом подключении человечества к темноте от нее ничего не останется. Дед Костик был тоже рад:

– У меня жена на Урале, – говорил он, – я для ней утонул. А увидала бы? Хорошо было бы? Всплыл утопленничек. Тут как тут бы уже приехала, а на черта она мне сдалась. Поди, старая уже стала. И молодая-то была – змея. Правда, красивая. И то! А старая змея мне и недавно ни к чему.

Нельзя сказать, что мы совершенно не верили в чудесное открытие деда Костика. В него одинаково невозможно было и поверить, и не верить. С одной стороны, ведра сгущенки тете Гале и дяде Васе хватило на всю зиму. Они подсоединили к добыче не только домашнюю электропроводку, но и никогда не бывший в эксплуатации электробойлер, который вдруг взял и заработал: прежде ему сроду не удавалось нагреть котел, потому что по условиям для этого требовалось пять киловатт, выжать которые из дрянных внешних проводов было невозможно даже с помощью мощного повышающего стабилизатора.

С другой стороны, неплохое образование, в комплект которого входила и физика, не позволяло нам поверить в ведро. А с третьей – у всех, кто возвращался от деда Костика не с пустыми руками, тем же вечером зажигались окна в домах, а на занавесках мельтешил отсвет телевизоров.

Нельзя сказать и того, что мы не попытались обзавестись этим – до полной дурацкости фантастическим – электричеством. Пытались. Мы приходили к деду Костику трижды, но один раз дед сказал нам, что у нас неподходящее ведро, а еще дважды – что сгущенку всю разобрали, нету ничего, ни капли; после чего мы видели из окна, как он выносил кому-нибудь из односельчан полное ведро.

Было досадно ощущать себя чужаками там, где все остальные друг другу свои. От глубокой обиды на деда Костика нас спасало то, что не нам одним он отказал в сгущенке. Примерно половина деревни сверкала по вечерам ярко освещенными окошками, в то время как вторая половина томилась при свечах. Отследить, кому и по каким критериям дед Костик соглашался выдать свой продукт, было невозможно. Среди отказников были самые разные люди. Настолько разные, что при попытке хоть как-то их систематизировать возникал полный сумбур.

Мы бы непременно попытались выяснить для себя принцип работы Костикова изобретения, но у нас самих ведро так и не побывало, а в пересказе удачливых ведровладельцев все выглядело настолько дико, что мы лишь молча переглядывались, никак не комментируя и не переспрашивая рассказчиков. По словам наших односельчан выходило, что ночью – но только не в полнолуние и не накануне – густая тьма облепливается вокруг всех предметов, стекая по ним в землю (именно там, где ночи особенно темны, водится самый качественный чернозем – приводил доказательство дедовой правоты один из его клиентов), так что дело оставалось за малым – собрав тьму в подходящую емкость, тут же закрыть ее крышкой, чтоб не расплескать по дороге. Для сбора тьмы деду Костику и служил ветряк: ночь стекала по его лопастям, под которые дед Костик знай подставлял тазы. Работал он в полной темноте, отключая на это время все домашнее освещение. Наполненную тьмой-сырцом тару старик отволакивал в сарай, где у него находился большой самогонный аппарат с центрифугой в комплекте. Центрифуга, служившая раньше для ускорения процесса брагообразования, стала теперь работать сгустителем тьмы. Дед Костик аккуратно сливал в нее сырец, на ощупь тыкал пальцем в кнопку «пуск» и на выходе получал легкую, но тягучую, как расплавленный гудрон, готовую к хранению и употреблению ночную сгущенку. Наши собеседники утверждали, что в сгущенном виде тьма уже не боялась света, разве что под прямыми лучами солнца черная поверхность подергивалась корочкой, а содержимое ведра немного уменьшалось в объеме.

Слушать эти рассказы было невыносимо. Нам постоянно казалось, что либо над нами в открытую издеваются, либо мы сходим с ума. И было очень непонятно, что хуже.

Готовую сгущенку дед хранил в желтой полуцистерне с надписью «КВАС». Какими судьбами квасная бочка попала к деду Костику, нам было неинтересно. В нескольких хозяйствах

нашей деревни имелись подводные лодки, и на этом фоне глупо было бы интересоваться такими вещами, как емкость из-под кваса. Гораздо интересней было ее содержимое. Однажды по дороге в магазин нам встретился ближайший сосед, ландшафтный дизайнер Вова, несший от деда Костика пластмассовое ведро. Оно было явно не пустым, хоть и не выглядело тяжелым. Но Вова нес ведро на отлете руки и шел так быстро, что едва кивнул нам на ходу и тут же скрылся за калиткой своего двора.

Что касается квасной бочки, то, как мы слышали, рядом с ней мог находиться только сам дед Костик – никто, кроме него, не умел вытерпеть ни секунды подле емкости с полукубом ночного концентрата, чем бы ни являлся этот концентрат на самом деле. Выстоять возле бочки, от которой отталкивало и к которой в то же время притягивало, не смог ни один доброволец, так что деловитое спокойствие деда Костика заставляло подозревать его в общении с сатаной. Иногда эта гоголевщина раздражала нас. Иногда казалась смешной.

Дед Костик снабдил всех до единого потребителей ночной сгущенки специальными, изготовленными им самим, переходниками. Потом Вова показал нам один такой переходник. Это была папиросная гильза. В нее надо было засунуть концы проводов, чтобы затем погрузить их в ведро с темнотой. Почему нельзя было обойтись без бумажных гильз, никто не понимал, но дед Костик сказал: «Так надо». Спорить с ним было бы глупо – в конце концов, дед Костик дал людям возможность спокойно перезимовать, так трудно ль им было молча засовывать провода в бумажные гильзы?

Рвануло ближе к апрелю. Точней, это случилось ранней ночью с 21 на 22 марта. Наш дом, расположенный к подворью деда Костика ближе остальных, качнулся, как перед стартом, и едва не оторвался от земли. Сам взрыв был абсолютно беззвучным; к тому же он не сопровождался обязательной для взрывов вспышкой света. Наоборот: то была вспышка тьмы, которая разошлась кругами и пожрала деревню. На некоторое время исчезло все – контуры домов и дальних крыш, абрис леса, силуэты столбов и деревьев. Когда тьма стала помаленьку рассеиваться и привычный рисунок в окне гостевой комнаты вернулся на свое место, в нем недоставало одной характерной детали – ветряка.

Это было первое, чего мы не увидели. Затем мы не увидели крыши дедова дома и угла сарая, где стояли бочка и центрифуга. Крольчатник и уборная, впрочем, оставались на месте.

Дед Костик исчез бесследно. Наутро после взрыва был обыскан каждый миллиметр дедова двора, но никаких останков – пусть даже самых микроскопических – не обнаружили. Дед Костик как будто сгинул во тьме, концентрированием которой занимался в ту ночь точно так же, как и во все предыдущие ночи. Когда схлынул первый шок и начались разговоры, все пришли к единому мнению: дед Костик просто уснул возле центрифуги, проворонил процесс, и тьма сгустилась до точки самопоглощения.

Но есть в нашей деревне люди, уверенные, что дело совсем в другом. Они полагают, будто дед Костик в ту ночь сделал некое новое открытие. Дед Костик, думают они, догадался, как делать тьму из света. И еще он догадался, что не он один догадался о том, о чем догадался. Например, сосед Вова выразился так:

– И тьма милосердно прибрала к рукам великого овчаровского изобретателя до наступления рассвета.

С Вовой это иногда бывает: говорит, говорит, вроде нормально – и вдруг как скажет чего, будто Библию цитирует.

– Ведь это открытие, в сущности, лежало на поверхности, – продолжил Вова. – Берешь отвертку и плоскогубцы и через полчаса запускаешь центрифугу в противоположном направлении – с противоположным содержимым.

Полстакана концентрированного света и, как сказал бы сам дед Костик, пиздец Южно-русскому Овчарову и другим населенным пунктам.

Никто так и не успел спросить деда, сколько времени и на какой скорости должна вращаться центрифуга, чтоб, с одной стороны, тьма сгустилась до нужной концентрации, а с другой – чтоб она не успела – выражаясь словами деда Костика – ебануть. Никаких записей старик не оставил.

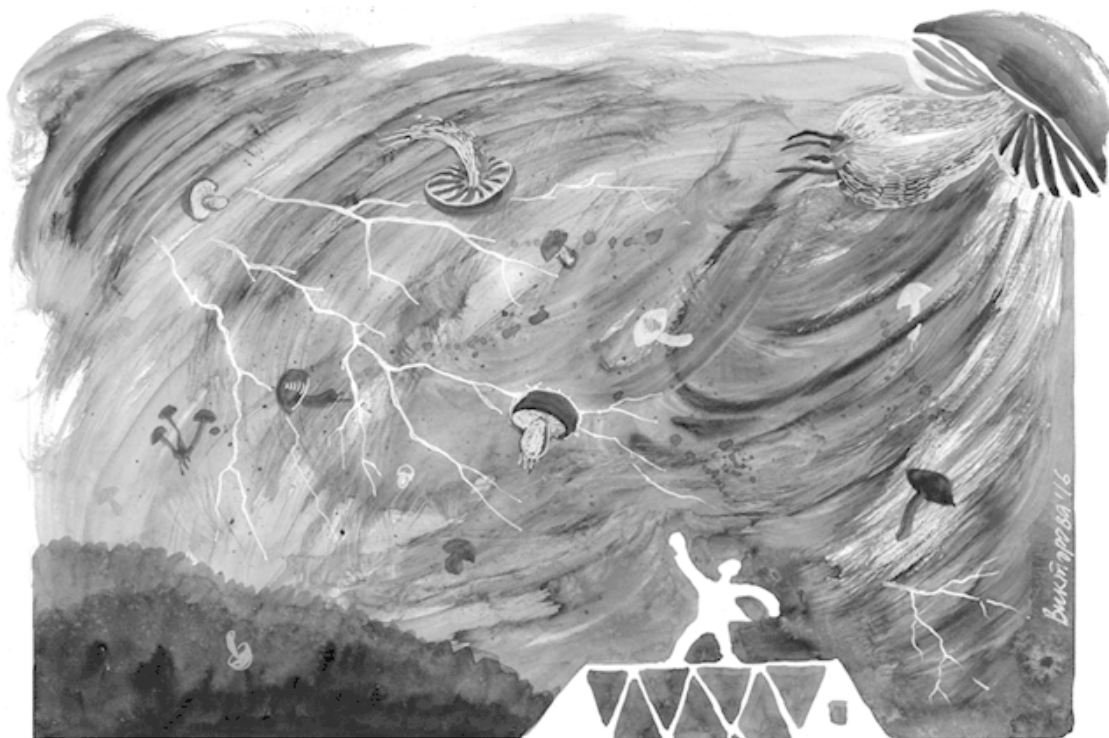
Кроме, разве что, одной. У Вовы сохранилась развернутая бумажная гильза-переходник. Дед Костик дал ее нашему соседу, когда одна из выданной ему пары упала в коровье дерьмо возле дедова забора и, как показалось Вове, была тут же раздавлена. А позже он нашел гильзу в кармане куртки. В карман попал снег, гильза расклеилась и развалилась. На ее внутренней стороне было написано слово «ГИНИРА».

Как хочешь, так и понимай.

Р. S. ОАО «Дальэнерго» больше никогда не приезжало в нашу деревню снимать провода. Даже после того как здесь – после исчезновения деда Костика – наскоро построили новую подстанцию и по проводам побежало нормальное привычное электричество. Дело в том, что за него по-прежнему мало кто платил. Однако санкций больше не следовало. Объясняется это просто: на центральном въезде в деревню кто-то внес исправление в дорожный знак, оповещающий путников о том, что они прибыли в населенный пункт «Южнорусское Овчарово». Поправка – в виде красной полосы из угла в угол знака – гласит, что деревня Южнорусское Овчарово осталась позади.

К нам сюда действительно не всякий может добраться.

Пока шёл суд

– Встать! Суд идет!

Набитый битком зал деревенского Дома культуры разом вздохнул, колыхался и приготавливался к долгому, часа на три-четыре, стоянию. Такое было правило.

Нельзя сказать, что некоторые традиции и развлечения Южнорусского Овчарова не смущали нас. Более того: после переезда стало наконец понятно, почему, когда мы делились нашими миграционными планами с друзьями и родственниками, многие смотрели на нас с опаской и недоверием. Непонятно другое: почему никто не поведал, с чем именно нам придется столкнуться в деревне, выбранной нами на жительство. Мы полагаем, что конкретными сведениями не обладал ни один из наших собеседников, а те из них, кто, может, и был в курсе, сомневались в правдоподобности имеющихся в их распоряжении фактов. Сами мы наверняка знали только то, что Южнорусское Овчарово пользуется очень неоднозначной репутацией. Мы были склонны объяснять это наличием заброшенных шахт, во множестве окружающих населенный пункт. Но ореол таинственности Южнорусского Овчарова не смог бы остановить нас; мы переехали, ни разу, впрочем, не пожалев о сделанном: уж больно прекрасное месторасположение у нашей деревни, что вольготно раскинулась на полуострове, с трех сторон омываемая Японским морем.

Очень быстро сроднились мы с деревней, приняв ее такой, какая она есть, – во всяком случае, какое-то время мы были в этом уверены. Нам казалось, что ни одна из особенностей Южнорусского Овчарова не является такой уж невероятной. Даже непонятная любовь овчаровцев к судилищам не сумела поколебать нашу симпатию к деревне, так как и эта странноватая традиция вполне нормально вписывалась в местный антураж.

– Встать! Суд идет! – Ни разу не было, чтобы суд дошел до деревни быстрее, чем за 2 часа 40 минут. Однажды, говорят, такое действительно случилось, когда в райцентр прислали молодого и очень резвого прокурора: по слухам, он буквально скакал вприпрыжку, так что остальным заседателям пришлось поспевать за ним, переходя с галопа на рысь. Резвого про-

курора затем куда-то перевели, и с тех пор четырнадцать километров от райцентра до Южнорусского Овчарова суд преодолевал за три, три с половиной, а то и четыре с половиной часа. А однажды был случай, когда в дороге скончался судебный секретарь: его могилу, если соберетесь навестить Овчарово, вы увидите слева от лесной дороги, приблизительно на половине пути от федеральной трассы до знака с перечеркнутым именем деревни.

В Южнорусском Овчарове практически не бывает настоящих преступлений, и к тринадцатому числу каждого августа деревенские жители озабочены тем, чтобы найти и предоставить суду хотя бы одного правонарушителя. Например, в 2006 году – это было уже при нас – под суд согласилась пойти бабка Онищенко, немощная сирота, которой за участие в судебном заседании пообещали перекопать огород и выпрямить забор. За это Онищенко созналась, что три года назад продала соседу Сергею Яковлевичу щипаных кур, издохших от неясной болезни. Услыхав про такое дело, Сергей Яковлевич тоже сделал признание. Он сказал, что прямо сейчас, в данный момент, испытывает огромное желание стукнуть бабку по голове или спине. Таким образом, в том августе у нас судили сразу двоих, старуху Онищенко и Сергея Яковлевича, но заседание получилось так себе: поскольку бороться непосредственно с Онищенко – из-за возраста подсудимой – прокурор не имел права по закону, вместо бабки ему пришлось соперничать с бабкиным адвокатом, а тот, как назло, оказался здоровенным бугаем, утомившим прокурора так, что вопросов к Сергею Яковлевичу у него просто не осталось. Судебное заседание закончилось полным поражением обвинителя за отсутствием состава преступления обвиняемых.

Несмотря на многочасовое стояние, южнорусские овчаровцы действительно очень любили судебные разбирательства, хотя найти очередного преступника становилось год от году тяжелее. Но когда июль следующего, 2007 года, уже подходил к концу, преступника искать не пришлось: он нашелся сам. То, что сделал Валерий Тимофеевич, повергло в шок всю деревню. Дело в том, что Валерий Тимофеевич проклял грибы.

Шум подняла наша соседка тетя Галя, известная мастерица мариновать белые и подберезовики. Она делает это так изумительно, что грибы давно стали для нее главной статьей дохода. Нам тетя Галя говорит так:

– Попробовать дам, а рецепт не скажу.

Мы не обижаемся. И даже, по мере возможности, немножко увеличиваем сеть тетя-Галиной клиентуры: трехлитровки с ее грибами стали покупать некоторые наши знакомые, да и мы сами охотно брали – и берем – ее товар. Тетя Галя прекрасно, едва ли не лучше всех в деревне, разбирается в грибах. Покупая у нее грибы, мы получаем стопроцентную гарантию, что в банку не затесалась отравка. К тому же отпала необходимость самим возиться с чистой добычей. Иногда, если есть охота и мы идем в лес с корзиной, весь наш грибной улов отправляется прямоком к тете Гале. За сезон она закатывает по 300–400 трехлитровок, и это не удивительно: те самые одиннадцать километров от федеральной трассы до Южнорусского Овчарова проходят не просто через лес, а через очень грибной лес. Стоит лишь сойти с обочины, как буквально через несколько метров непременно замаячит сыроежка, а за ней – плохо спрятавшийся крашавец белый. Ведро обабков за полчаса – обычное дело для здешних мест; плохим считается тот год, когда на укомплектование ведра или корзины уходит три часа. Именно таким плохим, бедным на грибы годом стал 2007-й. Тетя Галя не вылезала из леса, и все равно к окончанию грибных сроков ей удалось закатать всего лишь 200 банок. Слишком долго не было дождей.

Тетя Галя, как и другие грибники и грибницы Южнорусского Овчарова, подсчитали упущенную выгоду и почти совсем было упали духом, но тут кому-то из них пришло в голову наколдовать дождя. Но – то ли навыки оказались подутрачены, то ли доверили дело любителю-недоучке – в результате стараниями грибников был вызван не благотворный смирный дождик, а самый настоящий тайфун с ветром и трехдневным ливнем. Грибы после таких водопавов растут не сразу, а недели через полторы. Однако беда была в другом: именно нака-

нуне нежданного тайфуна Валерий Тимофеевич затеял менять кровлю. Но едва успел он снять шиферные листы с южного ската, как ливень обрушился на безоружный его дом. Любой бы на месте Валерия Тимофеевича вышел из себя. Но не настолько, чтобы проклясть грибы. А Валерий Тимофеевич сделал именно это. Человек одиннадцать слышали, как он, потрясая кулаками в направлении леса, трижды крикнул страшное и непоправимое:

– Ебанные грибы! Ебанные грибы! Ебанные грибы!

Но даже это могло сойти Валерию Тимофеевичу с рук, если бы его заклятье не сбылось с точностью до последней буквы. Через девять дней грибы из земли полезли в изобилии, да только радости от них никому не было, хотя снаружи они выглядели как обычно. Тетя Галя, притащив домой рюкзак и два полных ведра, через час понесла выбрасывать все на компостную кучу. На вопрос дяди Васи, что не так с грибами, тетя Галя гаркнула на весь наш тихий закуток:

– Что не так? Да с ними все не так! – и сплюнула в сторону собачьей будки.

О том, какие именно грибы повырастали после дождя в нашем лесу, мгновенно узнали не только в Овчарове, но и в самом Владивостоке.

– Все, – расстраивалась тетя Галя, – весь бизнес теперь корове в трещину. Такой ущерб деловой репутации.

Расстраивались вообще все.

Но недолго. Потому что был конец июля, и всем стало понятно, что заседание суда состоится. Это здорово утешило всех, включая тетю Галю.

Тринадцатого августа была хорошая погода. Это позволяло надеяться, что суд придет не слишком уставшим, но достаточно злым. В Дом культуры набилось очень много народу – практически под завязку. Пришли даже ловцы креветок, у которых август – самая горячая пора. И вот поступил приказ от наблюдателей:

– Встать! Суд идет!

Это означало, что судейские в полном составе вышли из районного центра. До первой крови Валерия Тимофеевича оставалось часа три – ну, может быть, чуть больше.

Валерий Тимофеевич стоял на сцене один-одинешенек, лицом к лицу со зрительным залом.

– Сейчас тебе, Тимофеич, вышака дадут, – пошутил кто-то из овчаровцев. Нестройное хихиканье пробежало по залу и смолкло.

В открытые окна Дома культуры влетали звуки лета: шум далекого лодочного мотора, мычание теленка, сорочья перебранка. Все это гудело и галдело так мирно и монотонно, что казалось тишиной. Тишина, однако, была несколько напряженной. Собравшимся было понятно, что на этот раз все будет серьезно: с грибами не шутят. Смеяться больше никому не хотелось. Чтобы как-то скрыть нетерпеливое возбуждение, многие переминались с ноги на ногу. Со стороны это выглядело, как гарцевание коней перед забегом.

– Спой чего-нибудь, Тимофеич, – донесся голос какого-то отчаявшегося остряка.

– Или стишок расскажи, – натужно поддержал его другой.

– Пусть лучше станцует, – буркнула магазинщица Антония.

Все представили, как толстый Валерий Тимофеевич сперва танцует, а затем рассказывает стихи, и зал отвлекся на осторожный смех. Но виновник вдруг шагнул к краю сцены и сказал:

– Спой. Сейчас.

И он запел.

Зал замер.

Этого нельзя было сравнить даже с громом среди ясного неба. Это было настолько неожиданно и страшно, что мы сбежали б из Дома культуры, едва придя в себя от первого потрясения – то есть примерно через минуту. Сбежали бы, если б смогли. Но дело в том, что нам отказали ноги. Нет худа без добра: мы досмотрели спектакль и знаем, чем все закончилось – не

по слухам или рассказам очевидцев, а благодаря личному присутствию и даже, можно сказать, участию.

Пел Валерий Тимофеевич ужасающе. Но «ужасающе» – неподходящее слово. Собственно, слов в песне и не было: песнь его состояла из криков выпки и волчьего воя, из вздохов преисподней и многократно усиленного скрипа ржавых дверных петель, из скрежета экстренного торможения грузового состава и эха обвала в горах, из рева ураганного ветра и визга кабана, которого волокут на кастрацию. По лицу артиста текли слезы; в зале – к величайшему нашему изумлению – тоже многие плакали. Через короткое время зал горестно рыдал уже целиком, за исключением глубоко потрясенных нас.

Валерий Тимофеевич пел три с четвертью часа без перерыва. За это время, по оперативной информации от наблюдателей, суд успел дойти до знака с перечеркнутым названием нашей деревни и ступил на ее главную улицу. Оставались считанные минуты.

Первым спохватился дед Наиль. Взобравшись по расшатанным деревянным ступенькам на сцену, он встал рядом с Валерием Тимофеевичем и сказал ему растроганно:

– Ступай вниз, сынок. Пусть лучше меня осудят.

И тут как будто прорвало дамбу. На сцену устремились первые ряды зрителей, затем стала редеть середина зала, после чего потекли реки и с галерки. Через пять минут в зале бы остались только мы, но в таких ситуациях лучше не отрываться от масс, даже если мотивация их душевных порывов и не ясна окончательно. Так что мы тоже забрались на сцену, где каким-то чудесным образом умудрилась утрамбоваться почти вся деревня. Неподсудного Валерия Тимофеевича выпихнули в зрительный зал, но он залез обратно.

Когда суд наконец пришел, его глазам предстала такая удивительная картина, что единоклубная реакция заседателей смогла оформиться лишь в реплику судьи. Хлопнув себя по мантии, судья воскликнул:

– А где же подсудимый?!

– Мы все подсудимые, – печально ответил со сцены дед Наиль.

– Ну, – судья почесал переносицу, – на нет и суда нет.

После чего суд в полном составе развернулся и отправился восвояси.

– Встать! Суд идет! – Дежурный приказ прозвучал нелепо, ведь никто и не садился.

Было ясно, что судейские обиделись и больше никогда не придут в Овчарово. Несмотря на это, все мы честно простояли на сцене, пока наблюдатели не известили нас о прибытии суда назад в райцентр. И только потом разошлись по домам.

Что касается грибов, то проклятье с них снялось как будто само по себе. Следующие и окончательные в то лето грибы вылезли уже совершенно нормальными, и только тете Гале пришлось долго убеждать свою клиентуру, что с продукцией все в порядке. Убедить ей удалось не всех; да и городские как-то перестали приезжать в наш лес, что, кстати, очень замечательно – нам больше достанется.

В августе 2008 года суд действительно не пришел в Южнорусское Овчарово, как его ни зазывали. Зазывали, правда, больше для проформы. Согласия никто и не ждал. Вместо суда состоялся концерт Валерия Тимофеевича, чей талант покорила деревню день в день годом раньше, пока суд шел к нам в последний раз. В августе 2009-го сделалось очевидно, что концерты теперь будут даваться ежегодно, пока смерть Валерия Тимофеевича не разлучит его с благодарной публикой. В деревне очень любят и берегут традиции.

Мы на выступления Валерия Тимофеевича не ходим, но все говорят, что он настоящий мастер своего дела.

Карбид

У деда Наиля уши мягкие и удивительно длинные. Их все время при встрече с дедом хочется потрогать. Правда ли мягкие? Настолько ли мягкие, какими кажутся? Длина их поразительна: еще чуть-чуть, и мочки лягут на дедовы плечи. Это оттого, что у деда Наиля короткая, почти совсем ушедшая в плечи шея. Но и уши сами по себе действительно нестандартные. И это мягко говоря. Потому что, если называть вещи своими именами, про уши деда Наиля можно сказать только одно: они не должны принадлежать человеку, однако почему-то принадлежат.

В остальном он нормальный, обычный дед. Таких в Южнорусском Овчарове на каждой улице по семь пачек. Сутулый, среднего роста старик с желтоватыми космами вокруг коричневой лысины. С чистыми, очень ясными глазами почти бирюзового цвета – немного неожиданными на смятом лице. Собственно, рассуждать о внешности деда Наиля – пустое. О самом же старике в Южнорусском Овчарове очень хорошего мнения. Про деда Наиля говорят так: «Ууу. Наиль – о!»

Мебельный магазин «Антония», в котором дед Наиль покупал себе карбид, расположен в одном ряду с деревенской церковью и магазином «Продукты на Горняка». И церковь, и продуктовый магазин – новые, открыты уже при нас. Магазин «Антония», по словам старожилов, был здесь всегда; но их послушать, так и Антония была названа родителями в честь магазина, а не магазин получил свое имя в честь Антонии.

В мебельном магазине «Антония» всегда все есть. Это утверждает сама Антония, да и мы много раз убеждались в ее правоте. Лишь еда появилась тут не сразу, потому что, с одной стороны, ну какая еда может быть в мебельном магазине, а с другой – а почему бы ей тут и не быть. Например, одежда была в продаже уже давно (если, конечно, пойти на небольшой компромисс со здравым смыслом и посчитать одеждой гидрокостюм, шлем сварщика, брезентовый фартук

и пупырчатые резиновые перчатки; однако, если электрические когти и не являются обувью, то и мебелью они тоже никогда не были).

Несмотря на широкий ассортимент, в «Антонии» нет ничего лишнего. В этом магазине продается только то, в чем вы можете претерпеть нужду. И когда, поселившись в нашем Южнорусском Овчарове, вы безрезультатно объедите все окрестности в поисках копеечных металлических уголков для террариума – и даже побываете в райцентре, откуда вернетесь с пустыми руками, – не забудьте заскочить к Антонии: у нее вы непременно купите уголки, причем именно того размера, который вам нужен.

Только в мебельном магазине «Антония» всегда в продаже дверные навесы любого сорта, оконные шпингалеты, крючки на дверь сарая или уборной, наружные почтовые ящики и деревянные лопаты для уборки снега (лопаты всегда появляются в ассортименте «Антонии» накануне больших снегопадов: если вы зашли в мебельный и увидели там деревянные лопаты – быть снегам). Только у Антонии вы сможете купить съемную насадку-переходник на резиновый шланг, и только Антония скажет вам, какого диаметра насадка вам необходима. Ассортимент у Антонии настолько широк, что далеко не все товары помещаются на витринах и стеллажах. Время от времени на дверях магазина появляются писанные от руки объявления, где сообщается, что в продаже, например, есть гудрон. Или, например, известь-пушонка. Или полное собрание сочинений Агаты Кристи. Или граненые стаканы. Или шифер. Или опилки. Или резиновые диэлектрические коврики.

– Антония, – спросили однажды мы, отчасти желая польстить, отчасти вполне искренне, – Антония дорогая, чего же у вас нету?

– Чего у меня нет, того вам и даром не нужно, – сказала Антония, – поверьте мне.

Ну вот откуда, спрашивается, она знала, что нам даром не нужна пластмассовая лейка на десять литров? А железные на двенадцать у нее были. Одна штука.

– Мне нужен гель для душа, – экспериментально сказала как-то раз Казимилова.

– У вас есть душ? – насторожилась Антония. – Что-то я сомневаюсь. В стариковском доме водопровода нет, а ваш дом, я вчера мимо ехала, не достроен еще.

– Но мне же надо мыться, – сказала Казимилова.

– Так вы ж покупали у меня оцинкованное корыто недавно.

– Ну да.

– Тогда так и говорите: «Мне нужен гель для оцинкованных корыт», – сказала Антония, оставшись совершенно серьезной. И на долгие полминуты сгинула под прилавком.

– Вот. – Она появилась с бутылочкой в руке. – Двадцать семь рублей.

На бутылочке было написано: «Для мытья волос и тела».

– Берите, – сказала Антония, – даже не сомневайтесь. Это то, что вам нужно.

Она всегда знает, что вам нужно.

Антония помещается за стандартной стеклянной витриной, где до недавнего времени обитала электрическая мелочевка. Антония сидит к покупателям в профиль. Перед нею небольшой письменный стол-конторка, на котором стоят ноутбук, принтер, стакан чаю и калькулятор, спорящий размерами и востребованностью с ноутбуком. По левую руку Антонии, но чуть позади нее, работает телевизор. По телевизору всегда идут «Генералы песчаных карьеров». В магазине, середина которого честно заставлена комодами и кухонными гарнитурами, буквально негде развернуться. Чтобы ненароком не своротить и не обрушить на журнальный столик сушилку для посуды, вам следует мысленно проложить маршрут к – ну, за чем вы там пришли? за вон теми голубенькими обоями в ромашку? – к обоям лучше всего двигаться сразу от входной двери, оставив справа по борту ручной умывальник. Сразу за мойдодыром сверните влево, нырнув между высоченным «комплексом мебели для прихожей» и рулонами рубероида – и, собственно, все: вы на месте.

Мы стали частыми посетителями у Антонии. Даже не зная, как называются те или иные материалы, мы рисовали их руками в воздухе, и Антония всегда понимала, о чем речь. И почти каждый раз, заезжая в мебельный за очередной нужной мелочью, мы встречались в магазине с дедом Наилем. И каждый раз видели, что дед Наиль покупает карбид.

– Зачем ему столько карбида? – спрашивали мы у Антонии.

В ответ она пожимала плечами – мол, кто ж его знает, – и говорила:

– Нужен.

Даже если бы старик питался карбидом, в таких количествах он ему и то вряд ли требовался бы. Дед Наиль увозил покупку на санках, если дело было зимой, или в старой детской коляске, если покупка случалась летом. Он грузил карбид мешками. Однажды – всего через месяц или два постоянных встреч в магазине «Антония» – мы спросили про карбид лично деда Наиля.

– Так ведь, – ответил дед Наиль, – оно самое то. Вот.

И увез груженные карбидом салазки в морозную даль.

А потом – это было уже в мае – он пропал. Его искали всей деревней: прочесывали лес, тыкали стволами соснового подростка в болотное дно, бродили по оврагам с фонарями и телефонами, сообщаясь между собой, что, дескать, пусто – ни тела, ни одежды, ничего. Дед Наиль исчез. На кухонном его столе осталась лежать камбала – в сковородку на плите было уже налито масло: Наиль собирался пожарить себе рыбы, отлучился ненадолго и – с концами. Последний раз его видели возле магазина «Антония», но во сколько именно это было, заходил ли он в магазин, куда пошел после, кого встретил по дороге – все эти подробности были приговорены остаться тайной, потому что дьяк, выдавший в тот день Наиля, не мог вспомнить, перед утренней или вечерней службой поздоровался он с дедом, чesавшим мимо церкви, а единственным человеком, которого можно было б спросить: «Заходил ли к тебе Наиль?» – была Антония, а она тогда как раз уехала на курорт в Далянь, закрыв железную дверь своего магазина на замок весом килограммов в двенадцать, не меньше. Вернулась она через две недели, открыла магазин и обнаружила пустую витрину, на которой самолично накануне отъезда в Китай разложила электрическую мелочевку: розетки врезные и накладные, патроны для лампочек, бытовые индикаторы трех сортов, изоляционные ленты, перчатки диэлектрические – и прочая, и прочая, числом тьма. Ничего этого теперь на витрине не было: все пожрал дед Наиль, запертый в магазине подобно Фирсу, оставшийся незамеченным среди комодов и кухонных гарнитуров, рулонов ковролина и рубероида.

– Я, – набросился он на Антонию, – кричал тебе, да ты как поскакала, хвост задравши, только и видали тебя.

Что касается электротоваров, то дед Наиль – а старик он очень здравомыслящий, ни в каком маразме никогда не замечался – утверждал, что разграбленная им витрина не содержала ничего несъедобного.

– Я все записывал, Антония, – строго сказал он, – в жизни ничего не взял без платы, а в старости мне такой грех и подавно ни к чему, – и предъявил Антонии список съеденного: молоко сгущенное – 26 банок, сайра натуральная – 26 банок, майонез «Моя семья» – 10 тюбиков, кетчуп «Балтимор» – 6 бутылок, шоколад «Нестле» – 28 плиток... и так далее, числом тьма. – А никакого электричества тут не было, – тряс ушами дед Наиль. – У меня дома своего электричества навалом, сдалось мне твое.

С этим утверждением Наиля нельзя было не согласиться: зачем ему патроны от лампочек, когда сайра есть? В том, что сайры на витрине не лежало, Антония – был момент – даже начала сомневаться: последние предотъездные дни были преисполнены такой суматохой, что лишь за голову держись, только б не оторвалась от беготни; может, и сделала накануне отъезда то, что давно намеревалась сделать – поменять назначение передней витрины под штучную бакалею. Сама же всю дорогу утверждала, что в магазине «Антония» есть все, но ведь это

неправда, потому что иногда людям бывают нужны кой-какие продукты, а дойти до соседнего продуктового магазина они по каким-то причинам не могут.

О том, что свое намерение поменять электропатроны на сгущенку она осуществить не могла хотя бы из-за того, что еще не успела даже наметить себе оптовую базу, Антонии думать не хотелось.

– Расплачиваться-то как долго будешь, а? – только и спросила она деда Наиля.

– А сразу, – сказал дед Наиль, – если не возражаешь.

– Да уж не возражу, – вздохнула Антония.

– Ну смотри, – выставил палец Наиль, – ты сказала.

И начал свозить к мебельному магазину карбид.

– Забирай, – кивнул он Антонии на первые семь мешков. – Сейчас еще семь привезу – и в расчете.

Антония лишь головой покачала. Впрочем, от карбида не отказалась: карбид все-таки лучше, чем ничего. Заодно вырисовывалась возможность узнать у Наиля, для чего тот так методично скупал сырье для ацетилена.

– Наиль, а Наиль, – спросила она, – а карбид-то ты зачем покупал вообще?

Дед Наиль пристально посмотрел на Антонию, как будто хотел убедиться в серьезности ее вопроса. И, видимо, убедившись, не без укоризны произнес:

– Хорошенькие были б дела, да? Приезжаешь, открываешь лавку свою, а тут у тебя труп.

Прям, можно сказать, на вот этом вот диване.

И ткнул пальцем в раскладной диванчик, обитый под зебру:

– Вот тут бы у тебя труп был. Вот тут вот.

– Ясно, – сказала Антония.

– Ну, я пошел, – сказал Наиль.

– Ну, иди, – кивнула Антония.

Уже уходя и открыв дверь, дед Наиль вдруг вспомнил что-то, остановился, обернулся к хозяйке и крикнул через весь магазин:

– Ой, слушай, я ж чего к тебе забегал-то. У тебя спички есть?

– Нету, – сказала Антония. – Зачем тебе спички?

– А и незачем уже, – согласился Наиль, – твоя правда. Камбала-то протухла, пока тебя по китаям носило.

Антония махнула рукой и впервые за многие годы развернулась лицом к телевизору, где как раз начался фильм «Генералы песчаных карьеров».

Дураки

В пасмурную погоду лед не блестит, а притворяется тихой водой. Поэтому кажется, что мотоциклы у нас ездят по морю, как Христы. «Уралы» – мятые-битые, серо-буро-малиновые, по сто раз перекрашенные, с обязательным ящиком-гробиком вместо люльки – любимое транспортное средство местных рыбаков. «Уралы» разгоняются над водой и исчезают вдали. В Южнорусском Овчарове ни у кого нету люлек, только гробики. В гробиках лежат снасти для зимней рыбалки.

Залив в нашем месте широкий, не защищенный от ветра, так что поверхность льда, постоянно обдуваемая с севера, обнажается сразу после снегопада. Лед остается голым почти до конца зимы, пока озверевший февраль не натащит из Охотоморья таких снежных тайфу-

нов, что уже не справиться никаким ветрам. А в январе можно выйти на середину залива, найти вчерашнюю лунку, лечь животом над твердой водой и разглядывать медленных сонных рыб. Рыбаки у нас удят тоже с живота – разлягутся морской звездой вокруг большой проруби и лежат: головы к центру, ноги врозь. Верные «Уралы» пасутся поодаль. Термосы, коньяки, водки, стаканчики – морские звезды привозят свое жизнеобеспечение в гробиках и ставят на лед рядом с собой, на расстоянии вытянутого луча.

Хорошо лежать над рыбами.

Хорошо гулять над рыбами. Найдешь вчерашнее разводье и гуляешь вдоль. То ли плывешь в воздухе, то ли летишь в воде. А параллельным курсом – под едва заметным глазу льдом – то ли летит, то ли плывет, обгоняя тебя и разглядывая небо, здоровенная камбала. Можно схватиться с камбалой наперегонки, разогнаться и скользить, и какое-то время плыть-лететь синхронно с ней, но гонка продлится недолго: вскоре вдруг обнаруживаешь, что пытаешься обогнать собственную тень на дне, а камбалы нет, камбала как в воду канула.

Залив – сплошное мелководье. Летом здесь хорошо ловить креветок, а зимой пасти мотоциклы. Море совершенно безопасное, особенно если знать, где проходят донные течения. Но даже если и не знаешь, все равно ничего страшного: перед тем, как течение взломает морской панцирь и растащит ледовые поля в разные стороны, примерно десять минут лед будет предупредительно стрелять холостыми. Дураком надо быть, чтоб не успеть отбежать на безопасное расстояние.

В тот день мы разогнались и скользили до тех пор, пока не наткнулись на место чьей-то вчерашней рыбалки. Собственно, это и было целью нашего пробега по заливу: найти застывшее разводье или лунку, которая затянулась нетолстым – сантиметра три – прозрачным стеклом. Оптика от фирмы «Дед Мороз и компания» – лучшая в мире, да и сам Дед Мороз прекрасный стекольщик. Мы ложимся животами на море и, соорудив из ладоней антибликовое приспособление, приветствуем первый «улов»: здоровенную водоросль-ламинарию. Ламинария пронеслась под нами с такой скоростью, будто опаздывала на работу. Вслед за ламинарией появилась какая-то рыбина, но рассмотреть ее мы не успели. Можно было бы сказать, что рыба проскочила в наших экранах со свистом, но в абсолютное беззвучие визуального ряда свист не вписывается даже сравнением. И тем более неожиданным стал чей-то голос (глас с небес в нашем случае), когда, увлеченные разглядыванием подледного трафика, мы совсем не заметили, как сами сделались объектами наблюдения.

– Вы так ничего не поймаете. У вас там лед внутри. Над нами стоял человек в тулупе и цветастой женской шали. Он доброжелательно улыбался. На плече у него подобием байдарки лежала крупная кета, которую он поддерживал левой рукой за недобрую пасть. В правой руке у человека был детский калейдоскоп.

– Вот, – сказал он, показывая нам калейдоскоп, – трубочку нашел. В нее можно смотреть куда хочешь.

– Зачем? – спросили мы тактично.

– А тогда все как звезды, – ответил он и протянул нам игрушку. – Хотите попробовать?

Отказываться было неудобно. Мы по очереди посмотрели на звезды и вежливо вернули калейдоскоп собеседнику. Улыбаясь и не покладая кеты, тот принялся рассматривать небо.

– Очень красиво. Очень красиво.

Зима – не сезон для кеты. Зимой ловят навагу, корюшку, камбалу и селедку.

– А как вам удалось кету поймать? – спросили мы.

– Повезло, – ответил человек и пошевелил бревно на плече. – А вы кто?

– Живем здесь.

– Городские, что ль? Давно в Овчарове?

– Три года.

– У, – сказал он, – новенькие. Хотите, отдам?

- А вы как же?
- А я рыбы не ем. Кальмаров еще туда-сюда, креветок, а рыбу – не. Я ее только разделять люблю.
- Так продать же можно? Давайте мы у вас купим.
- Человек с калейдоскопом посмотрел на кетину.
- Не хочю, – ответил он. – Или так берите, или я пошел.
- Хорошо, – сказали мы, – давайте.
- Что давайте? – удивился он.
- Рыбу, – ответно удивились мы.
- Рыбу?! – воскликнул он. – Почему?!
- Так вы же сами предложили. Только что.
- А, ну да, – закивал головой собеседник, – предложил. А теперь передумал. – И засмеялся так, что не удержал кету. Она соскользнула с его плеча и упала на лед. – Давайте так, – сказал он вдруг с совершенно нормальным, недурашливым выражением лица. – Пойдем ко мне, я рыбу разделаю, вы ее пустую заберете.
- Как это?
- Вам тушку, мне кишки. – Человек в шали говорил с нами терпеливо, будто мы были идиотами.
- Зачем вам кишки?!
- Выкину.
- Тогда почему?..
- А может, там кольцо внутри, – сказал он, – может, там внутри кольцо с изумрудом.
- Марина Владимировна говорит: да они тут все дураки.
- «Как?» – «Да очень просто: все по очереди. Прямо в буквальном смысле».

Марина Владимировна всегда все знает. Работа такая: три человека придут в магазин за гипсокартоном, кафелем или фанерой на двенадцать, а остальные девяносто семь – поговорить. Мы тоже в тот раз зашли поговорить. Больше, конечно, поздороваться – все равно рядом были, – но и поговорить тоже.

– Тут дед перед вами был, – говорит Марина Владимировна. – Думала, сдохну. Сорок пять минут как с куста, трындел и трындел. Всякую фигню. Дурак, блин.

– Ну мы тогда пошли, – смеемся мы. – Отдохни.

– Э, – говорит Марина Владимировна, – вы-то как раз пусть.

Ну, пусть так пусть. Нам все равно было ждать, когда почта откроется с обеда.

– Зимняя забава такая, – говорит Марина Владимировна, – ага. Рыбалка и дурак. Нас с Петечкой зовут поиграть. Прокофьевы, соседи, не слева которые, а с железной крышей дом. У них тоже собираются.

– Ходили?

– Да один раз. – Марина Владимировна берет зазвонивший телефон: – Ламинат по каталогу, с предварительным заказом. Да. Пожалуйста!.. ...ну, это нечто! Невозможно же каждый вечер ерундой страдать.

Мы тоже кое-что слышали. Еще бы. Дурак в Южнорусском Овчарове иной, совсем не такой, как везде.

Овчаровцы играют в дурака серьезно, шестью колодами, одна партия иногда затягивается на несколько дней, а на проигравшем ездят верхом по деревне.

– Необязательно, – говорит Марина Владимировна. – У Прокофьевых не ездят, у них кто проиграет – идет к церкви побираться. Не хватало, чтоб я или Петечка там оказались, ага.

– В смысле? Как побираться?

– В прямом. Заставят в говно нарядиться, а сами у «Антонии» стоят, ржут и фотографируют.

– Ого.

– А у Петренок... – Марина Владимировна опять берет телефон: – Если больше чем на пять тысяч, скидка десять процентов, да, есть, приезжайте... ..у Петренок проигравший на лопате катается. А у ваших соседей, с грибами которые...

– У них тоже играют?! – Мы были в полном изумлении. – Так что, туда не за самогоном ходят?!

– Может, за самогоном тоже, – говорит Марина Владимировна, – но вообще-то играют.

Вот это да. Понятно теперь, почему у тети Гали с дядей Васей свет в доме всю ночь горит, а за молоком если к ним идти, то или рано утром, или не раньше трех.

– Так чем у них проигравший расплачивается?

– Жизнью, – говорит Марина Владимировна. И поспешно добавляет, глядя на наши вытянутые лица: – Ну, нет, на самом деле не так все страшно.

– Йопт, – говорим мы.

– Ну да, – кивает Марина Владимировна, – оно самое. Но тут дело в том, что дуракам везет.

– Всем? – зачем-то спрашиваем мы.

– Без исключения. – Марина Владимировна явно гордится произведенным на нас впечатлением. – Вы сейчас куда?

– На почту, потом домой.

– Давайте созвонимся вечером, – говорит Марина Владимировна, – идея есть.

У нее всю дорогу идеи.

Кстати, никакого кольца в дураковой рыбе не оказалось. Дурак – по нашему наущению и с помощью нашего же ножика – разделал кету прямо на льду. Обследовав рыбий кишечник, он обтер нож и руки об лед и зашагал к берегу, насвистывая государственный гимн. Мы подобрали кету и, ругаясь на рыбью пачкотню, отправились домой, намереваясь заехать по пути на почту и в строительный магазин. Когда мы еще шли к берегу, за нашими спинами уже вовсю горланили чайки, налетевшие на требуху.

– Идея, – сказала Марина Владимировна тем же вечером, – идея такая: что нам мешает попробовать?

Да ничего нам не мешало. Они с Петром Геннадьевичем уже и карты купили. Шесть колод.

Шесть колод и никаких пар. Каждый играет сам за себя. Это лишь кажется сложным, но на самом деле, вовсе нетрудно догадаться по лицам, что пять козырных тузов лежат перевернутыми у кого угодно, только не у Петра Геннадьевича, к которому заходить – понятное дело – с козырных десятков, потому что все шесть козырных валетов и все шесть козырных дам собрались у вас. А если у вас же были и козырные короли, но не все, а лишь четверо, шанс все же велик, четыре против двух. Вдобавок, шестой туз тоже у вас. Петр Геннадьевич сграбастывал все, но когда дело дошло до королей, мне стало ясно, какая чудовищная ошибка мною была допущена. У меня совершенно вылетело из головы, что пачка карт, лежавшая слева от меня, тоже принадлежит мне. А содержимое той пачки было таким ничтожным, что впору кингстоны открывать.

– Оп-па.

– Оп-па! – радостно засмеялись остальные игроки. – А кто тут у нас дурак? Поздравляем. Поздравляем.

Окна уже были синие. Никто не заметил, как наступило утро.

– Быстро сыграли, – сказала Марина Владимировна, – но все равно долго. В следующий раз надо часа в два прерваться, максимум.

Странным вспоминается то утро. Тяжелая после бессонной ночи голова одновременно ощущалась пустой и гулкой, хотя множество мыслей крутилось в ней хаотично, по-броуновски сталкиваясь лбами и отскакивая друг от друга. Мысли были не слишком мудреными. Они являлись скорее констатацией фактов, выхваченных из действительности, и в то же время имели собственные, независимые от содержания форму, цвет и звук. Например, мысль «окно» была зеленоватой с коричневыми прожилками, но звучала глухо и казалась вытянутой в длину. И наоборот: длинная сложная мысль «садимся в машину» выглядела как плоский квадрат, перечеркнутый по диагонали сиреневой змеей с сапфировыми глазами. «Дорога» оказалась шипящей, золотистой и сверкающей спиралью; собственный дом (мысль: «дом») каким-то образом уютно совместился с представлением о некоей белой полусфере, поросшей беззвучным мхом. Необычная игра увлекала: хотелось бесконечно смотреть по сторонам и разглядывать предметы, людей и природу, хотя сама мысль «игра» звучала в голове тремя короткими звонками (капитан покинул борт судна) и казалась кучей гниющих водорослей. «Надо поспать», – прощуршало в голове осенними листьями, над которыми тут же поднялись и зависли в воздухе семь алюминиевых рыб.

До трех часов наш сон никто не потревожил. В четыре мы посадили в машину собаку и поехали на море. Было тепло и очень солнечно. Голова тоже была уже вполне ясной и солнечной. На льду залива по случаю воскресенья раскинулось множество морских звезд, поодаль от которых мирно паслись мотоциклы. Зимнюю удочку нам дал Петр Геннадьевич, а коньяк у нас имелся свой. Мы не стали искать вчерашнюю лунку, хотя оптика Деда Мороза легко поддалась бы ударам захваченного с собой молотка.

Мы приумножили лучи ближайшей к берегу морской звезды, потому что мотоцикла с гробиком у нас не было, и будущий улов предстояло тащить до машины на берегу вручную. На расстоянии вытянутого луча моей ноги встали термос, бутылка хеннеси и пара коньячных рюмок. Мы решили обойтись без пластиковых стаканчиков. Надо было опустить леску в воду, полежать недвижно примерно с четверть часа, затем встать на корточки, дотянуться до коньяка и рюмок лучом руки, налить и выпить. А затем снова лечь на лед лицом к рыбам. Хорошо лежать над рыбами.

В ясную и солнечную голову пришло решение ловить рыбу на вату из телогрейки. Поверх лыжных комбинезонов мы надели ватники. Это было необходимо, чтобы максимально точно походить на других морских звезд. Задача сформулировалась окончательно: нужно вытаскивать вату из продырявленного рукава телогрейки и бросать ее в прорубь. Ни одна рыба не сможет устоять перед ватой, казалось мне. Владельцы остальных лучей уважительно слушали и не перечили, хоть и переглядывались между собой, когда им казалось, что мы на них не смотрим. Но мы видели все. Тщательно скрываемый скепсис товарищей по проруби тем не менее улетучился в одно мгновение, когда в воде показалась спина гигантской рыбины. Рыба была настоящим великаном. Привлеченный запахом ваты, неведомый житель морей ходил кругами, опасаясь многолюдья, и не решался схватить лакомство.

– Отойдем, – сказал кто-то из рыбаков, после чего до меня донеслось завистливое: – Вот же везет дуракам. – На автора этих слов зашикали.

Потом рассказывали, как все выглядело со стороны. По словам очевидцев, я опустила руку в прорубь и держала ее там минут пять, после чего опустила в прорубь другую руку, а затем приподняла над водой лосося, ухватив его за жабры. Он не был таким уж гигантским, каким казался под водой, но все же его размеры очень впечатляли. Достать рыбину в одиночку не было никакой возможности, однако бросившихся мне на помощь рыбаков я отогнала прочь, после чего, поглядев в глаза добычи, разжала пальцы и сказала «спасибо» кругам на воде. Ничего этого я не помню.

Помню только почти нестерпимый, но ужасно приятный жар в руках, запах ледяного «Хеннеси» на губах и ощущение глубочайшего покоя. Еще, иногда – не часто – привкусом

дежавю возникают передо мной образы рыб, исчезающие так быстро, что я никогда не успеваю поздороваться с той, что однажды действительно встретила меня – при обстоятельствах, подробности которых я знаю скорей из снов, чем по рассказам очевидцев. Я не могу целиком восстановить в памяти события того зимнего дня, но однажды мне стало понятно, что в деталях нет никакой необходимости. Главное – мне действительно повезло, и в этом нет ни малейшего сомнения. Мне повезло очень по-крупному – в тот раз и навсегда, – хоть я и не помню, чтобы кто-то отгонял рыбаков.

В карты мы больше не играли. Вскоре случилось так, что в Южнорусском Овчарове пришла пора выборов, и новый глава сельского поселения издал Указ, запрещающий жителям деревни после 21 часа распивать спиртные напитки, спорить, играть в азартные игры и обзываться. Тому, конечно, были причины – особенно после случая с Никитой Валентиновичем, продувшимся у наших соседей, – но все же категоричность Указа многих огорчила. Разумеется, некоторые нарушают закон и продолжают втихомолку тасовать шесть колод, но играют, как они говорят, без всякого азарта, нехотя. Утверждают также, что игра стала называться «дурашкой», и проигравшего весь следующий день целуют и треплют по щеке или плечу. Нам об этом ничего неизвестно.

Но иногда, гуляя с собакой на зимнем море, мы видим сидящего на обрыве человека. Это бывший заместитель главы Южнорусского Овчарова. Он может сидеть на краю скалы долго-долго, буквально часами, и свесив ноги в пропасть, разглядывать рыбаков и их мотоциклы в пластмассовый детский калейдоскоп.

Охота на кальмара

День питается звуками и солнечным светом, а ночь – водой и чужими секретами. Приезжайте на берег ночного моря и поставьте машину фарами к воде: если вам повезет увидите много интересного.

Хотя по ночам уже было очень холодно, море в ту зиму долго не замерзло, и рыбаки ругались на глобальное потепление. Однажды мы приехали на пляж поздним декабрьским вечером, выпустили собаку, включили дальний свет фар и увидели, как по пояс в ледяной воде, на расстоянии полусотни метров от берега бродит бородатый мужчина с чемоданом. Шел мелкий снег. Мужчина с чемоданом брел параллельно береговой черте, но, поравнявшись с лучом, резко свернул и направился к суше, хватаясь за свет фар, как за перила. Луч привел его к нашей машине, на которую мужчина не обратил никакого внимания: он просто переложил чемодан из одной руки в другую, обогнул нашего пса и, зашагав по дороге, почти сразу исчез из виду. Мы посидели еще чуть-чуть, а затем уехали в полном молчании, если не считать обмена фразами вроде «вот это дааа», которые не значат ровно ничего, но иногда значат так много, что заменяют собой рассказ на восемь страниц. А на следующую ночь приехали к тому же месту и увидели светлячков над морем – а какие могут быть светлячки в декабре? Разворошив тьму светом фар, мы увидели, что море просто кишит мужчинами, и у каждого чемодан, и на каждом чемодане – фонарик светом вниз. Часть мужчин бродила с чемоданами по воде, и было ясно, что они ищут что-то, отвечающее каким-то неведомым нам критериям, а часть уже нашла и встала как вкопанная в донный грунт, а перед ними, прямо на воде, лежали огоньки. А еще через день мы заехали по какой-то надобности в овчаровский мебельный магазин «Антония» и увидели в его ассортименте те самые светодиодные чемоданы – они оказались сделанными из плотного пенопласта, а внутри представляли собой ящики с несколькими отделениями, чтобы

не перепутались крючки и насадки, – и все это дело называлось «набор снастей для ловли кальмара». Словом, скукотища. Такая же, как и собственно ловля кальмара.

Но несколько обстоятельств, весьма характерных для Южнорусского Овчарова, сумели бы смутить любого скептика. Например, тот факт, что никто из местных жителей не знает нашей улицы, а меж тем улица наша стара, как и сама деревня, основанная в 1868 году переселенцами из южнорусских степей; или, например, у нас есть дома, которые исчезают и внезапно

вновь оказываются на привычном своем месте; или, например, блуждающий милиционер по имени Евгений, который так насобачился создавать себе алиби, что умеет возникнуть поочередно в пяти деревенских магазинах, а жена его Татьяна ищет повсюду своего мужа, и находит пять раз подряд, и в каждом из пяти магазинов милиционер Евгений получает от Татьяны по морде, и делает вид, что ничего не произошло, в то время как настоящий милиционер Евгений выходит из шестого магазина с бутылкой водки, никем не побитый; или, например, умершая старуха Фазановна – Фазановну похоронили за месяц до события, о котором речь впереди, а спустя две недели ее видели в продуктовом магазине «Березка»: наши соседи заехали туда за зеленым горошком на винегрет, а Фазановна стояла у прилавка и покупала белый виноград россыпью, и была при этом абсолютно как живая, только мертвая, и недовольная очередь за ней бледнела и крестилась, и никто не смог бы упрекнуть покупателей в бестактности, потому что умерла так умерла, а если уж приспичило тебе винограду, то приснишь родственникам и попроси принести на могилу, а не шлйся среди живых, карга.

Может, и странный населенный пункт наше Овчарово. Но очень уютный и симпатичный. Да и расположение привлекательное: с трех сторон деревня омывается морем, занимая собой лесистый полуостров такой протяженности, что из одного конца в другой надо идти через тайгу и болота, и то не факт, что дойдешь. А ровно посреди нашей деревни находится другая деревня: называется она Пятый Бал, и мы относимся к ней как к своей, потому что до Пятого Бала от казимировского дома, если идти по Косому переулку и затем миновать небольшой лес, то двадцать минут ходьбы; а до Лагуны, которая является северо-западной оконечностью Южнорусского Овчарова, – девять километров бездорожья. Правда, в Пятый Бал ведет и еще одна дорога, но по ней от Лёхиного магазина ехать два с половиной километра, да еще и мимо кладбища.

Погост беден и беспечен. У него нет даже забора, и могилы свободно разбрелись вдоль дороги. Некоторые пасутся так близко к проезжей части, что памятники в темноте можно принять за автостопщиков. Сразу за кладбищем, все так же впритык к дороге, громоздится кладбищенская помойка с профильным мусором. Ржавые венки, куски расколотых надгробий, покореженные фрагменты пирамидок – каждый раз ожидаешь увидеть среди них полуистлевший гроб с покойником внутри: а что, разбогатела какая-нибудь семья, купила себе новый комплект, а старый выкопала и выбросила.

Чаще всего кладбищем пользуются жители улицы Суханова. Это потому, что они живут к нему ближе остальных. Могилы залезли бы и в суханские огороды, если б не дорога, отсекающая дерзкий некрополь от крайнего домика с зеленой крышей. Однако случается и так, что умирает кто-нибудь с дальних окраин деревни, хотя это почти нонсенс. Действительно: умереть на Восьмом Квартале считается так же нелепо, как, например, ходить за хлебом в Лёхин магазин «Лагуна», живя где-нибудь на Третьем Мысе. Если в Овчарове разносится слух о чьей-либо смерти, первым делом люди спрашивают, откуда покойник. Если с Суханки, никто не удивится (так и скажут: «А, с Суханки. Ну, тогда ясно»), а если с Третьего Мыса или с Восьмого Квартала, то незамедлительно переспросят: «Николай с Третьего Мыса умер?! Чего ради?!»

И правда, какой смысл умирать, живя в таком прекрасном и далеком от кладбища месте, как Третий Мыс. Но против фактов не пойдешь: только за первые три года нашего пребывания в деревне умерло человек восемь народу, жившего в совершенно разных, весьма отдаленных от кладбища точках Южнорусского Овчарова. Самую крупную неприятность, связанную с похоронами, пришлось пережить, конечно, друзьям и родственникам Никиты Валентиновича, потому что нестарый еще пасечник жил в районе холодильников и скончался, никого не предупредив. Причем сделал он это в такой снегопад, что даже самые широкие дороги сделались непроезжими, а самые исхоженные тропы – непролазными. Однако смерть все же нашла путь к дому Никиты Валентиновича, поставив его близких перед необходимостью организовывать похороны. И впрямь, не положишь ведь покойника в сугроб во дворе. А запасные ямы – там,

где положено, – в Южнорусском Овчарове заготавливают еще осенью, тогда же, когда и капусту. Никто не знает, пригодятся или нет, а если пригодятся, то кому именно, но заготовку ям в пределах овчаровского кладбища делают исправно.

Известие о неизбежности больших хлопот по доставке тела до погоста родня Никиты Валентиновича приняла мужественно. В назначенный день свояки, зятя, девери и внучатые племянники явились в полном составе на лыжах, а один двоюродный брат пришел аж с самой радиолокационной станции, которая, впрочем, находится не слишком далеко от нашей деревни, особенно если идти через Восьмой Квартал. Ни о какой машине не могло быть и речи: за несколько часов до похорон на обочине подъездной дороги по самую крышу увяз в сугробе трактор. Сперва лыжи Никиты Валентиновича по ошибке прикрутили к крышке его гроба, но недоразумение быстро заметили и переделали все как надо (лыжные палки положили прямо в гроб – потому что, во-первых, никто в точности не знает, что может пригодиться человеку на том свете, а во-вторых, на этом свете палки без лыж все равно никому не нужны).

Таким образом, гроб Никиты Валентиновича сделался транспортным средством – не то чтоб самоходным, но вполне мобильным и управляемым. А поскольку все, кто шел впереди и позади гроба, лыж и вовсе не снимали, то похоронная процессия вскоре скрылась из поля зрения двух ворон, наблюдавших за стартом с верхушки кедра.

Смерть в Южнорусском Овчарове событие и редкое, и всегда немного печальное. К тому же, стоило лишь глянуть на старуху Антоновну, чей стиль ходьбы делал ее поразительно похожей на пастора Шлага, как слезы сами наворачивались на глаза участников скорбного марафона. Никто не смеялся. К гробу, уверенно стоявшему на лыжах благодаря его собственной конструктивной устойчивости, привязали веревку-шлейку, в которую запрягли квадратного кочегара Вована. Вован шел на лыжах не быстро, но ровно, и лишь иногда оборачивался: время от времени кочегару казалось, что гроб слишком близко подобрался к нему и вот-вот наедет передом на зады его лыж. Но все шло как по расписанию – ровно до того момента, пока кто-то (кажется, это был сосед покойного, Виталий Свиридович) не обратил внимания, что Никита Валентинович едет не как положено, вперед ногами, а как совершенно категорически запрещено – вперед головой.

– Вернется, – испуганно сказал кто-то из родни и, не дождавшись ответа, продолжительно охнул: – Охохохохохой.

Похоронная процессия находилась уже примерно на половине дороги к кладбищу и ровно посредине леса: лесной тропой решили воспользоваться для сокращения пути, о чем позже всем пришлось пожалеть, так как случилось странное и уж совершенно непредвиденное. После остановки и короткого совещания по поводу ошибочно прикрепленной веревки вдруг стало выясняться, что никто из присутствующих не уверен в правильности выбранного пути.

– Вон тот дуб я помню, – сказала Антоновна, – он совсем не тут растет.

Но не только дуб, а и все вокруг оказалось не таким и не там. Даже солнце, которое должно было светить в лицо, съехало набекрень и свисало с другой стороны неба. Почему это произошло, каким образом Никита Валентинович и его провожающие оказались здорово юго-западнее предполагаемой тропы, никто не заметил и не понял. Спросить бы Никиту Валентиновича, да какой с него спрос. А ведь он хорошо знал этот лес, лучше остальных, потому что исходил его вдоль, поперек и по диагонали, разыскивая отделившиеся и удравшие на вольный выпас пчелиные семьи. Безусловно, Никита Валентинович показал бы кратчайшую дорогу, кабы не лежал бессмысленной колодой внутри деревянного ящика. Вокруг которого, в спонтанном зрительском амфитеатре, прямо на снегу сидела растерянная публика.

Тем временем начинало подмораживать.

– Вставайте, – сказал Афанасьев Петр, приходившийся покойному какой-то неблизкой родней. – Вставайте, хватит тут уже. Скоро темнеть будет.

И все встали. Включая Никиту Валентиновича, который подскочил так резко, что сбил головой крышку гроба.

В тот раз нас не было на той поляне: мы пришли туда случайно и, слава богу, здорово позже, застав лишь гроб; крышка валялась рядом, и природа, не терпящая пустоты, к тому времени уже заполнила ящик снегом и сосновыми иголками так, что он выглядел почти естественным атрибутом поляны, не пугающим и ничуть не мрачным. Разве что крупноватым: Никита Валентинович относился к тому типу высоких русоволосых мужчин, которые говорят про себя, что якобы ведут свой род от викингов.

Мы не присутствовали на поляне в момент воскрешения пасечника, потому что, в отличие от того же Афанасьева, еще не были знакомы с покойником, а шляться на похороны ко всем подряд – просто из интереса к похоронам – мы не большие любители. Говорят, Никита Валентинович действительно быстро вывел своих провожатых из лесу и доставил их к собственному своему дому, где вся публика целых три дня праздновала отмену похорон, пока кто-то первым не опомнился и не спросил:

– А где ж Валентиныч-то?

Хозяина нигде не было. Более того: никто из его гостей не смог вспомнить, когда видел его в последний раз. По рассказам участников застолья выходило, что видели пасечника чуть ли не на подходе к дому, а больше – нет; но вроде бы кто-то замечал его во дворе, или – вроде бы – в сених, или даже – вроде бы – за столом; никто, однако, не смог поклясться, что действительно видел Никиту Валентиновича именно в этот раз, а не на праздновании его дня рождения в прошлом году. И наконец все все поняли. Мертвецовы гости, протрезвевшие от ужаса, кублом выкатились на крыльцо – тут-то им навстречу и шагнул Никита Валентинович, и никому уже не было дела, что на покойнике ватник, ушанка и высокие рыбацьи сапоги; что в руках у него ведро кальмаров; что борода его заиндевила так, как никогда не индевеют бороды мертвецов. Словом, никому не было дела до того, что Никита Валентинович живой. С криками и воплями разбежались от бедного пасечника его друзья, родственники и соседи, и лишь спустя четыре месяца, специальным постановлением поселкового совета, было решено считать Валентиныча живым – да и то лишь потому, что мед у покойника был лучшим, а после его смерти полезла на рынок всякая шушера, безбожно льющая в продукт сахарную патоку.

– А как же гроб? – спросили мы Никиту Валентиновича.

– А что гроб? – удивился пасечник. – Стоит где стоял, кому он нужен с лыжами.

– Лыжи ведь открепить можно, – неуверенно сказали мы.

– Можно, – согласился Никита Валентинович. – А кому нужны лыжи, на которых гроб стоял?

И добавил:

– Нет, дорогие. Гроб, хоть однажды постоявший на лыжах, обречен стоять на лыжах всю свою жизнь.

Если будете в Южнорусском Овчарове, любой деревенский житель покажет вам поляну, на которой стоит деревянный ящик с откинутой крышкой. Лыж почти не видно: летом они зарастают травой, зимой тонут в снегу; но они есть. Сам же гроб Никиты Валентиновича стал одной из лесных примет.

– Пойдете через лес, увидите гроб на поляне, сразу направо сворачивайте, – скажут вам, объясняя дорогу к пляжу. – Там спуск к морю удобный.

– А вы правда живой? – все-таки не выдержали мы и задали Никите Валентиновичу этот вопрос.

Пасечник, впрочем, не обиделся.

– Живее некуда, – захохотал он прямо в улей, и несколько десятков рабочих пчел сели на его шляпу. – Хотя многие и не верят. Но вы-то хоть поверьте, – добавил он, разгибаясь и оборачиваясь. Улыбка на его лице не показалась нам слишком уж веселой; впрочем, чересчур печальной она тоже не была.

– А как все произошло на самом деле? – спросили мы.

– Да кто ж теперь упомнит, – ответил Никита Валентинович. – Я и сам все забыл, сколько времени прошло.

«Сколько времени прошло»! Да полгода прошло, не более: Никита Валентинович умер в декабре, а за медом мы к нему заехали в июне.

– Помню, в карты играли, – сказал Никита Валентинович, – у ваших соседей. Проиграл я, когда дело к обеду уже было. Устал, спать хотел, глаза прямо сами закрывались. Говорят, домой пошел в чем сидел – а зима ведь, холодно. Говорят, Василий меня догнал, тулуп силой надел. Не помню я. Потом вроде домой пришел и спать лег. А проснулся – стою у крыльца, в руках кальмары, а все на меня смотрят и вопят, будто я умер.

– Повезло вам все-таки проснуться тогда, на поляне, – сказали мы, – а то похоронили б, и поминай как звали.

– А я тогда и не проснулся, – сказал Никита Валентинович.

– Как?

– Да так, не проснулся и все. Снилось, что холодно мне, что зима, что лес кругом, и будто все одеты нормально, а я один как дурак. Но правильно вы говорите: повезло мне.

– То есть, значит, когда из гроба встали в лесу, то все еще спали?

– Спал, конечно. Если б не спал, прям там на месте и помер бы поди. Хорошенькое дело, в гробу проснуться.

Вот это да.

– Но гости, они ж три дня у вас гуляли, они-то почему решили потом, что вы мертвый? Вы ж их из леса вывели. Они ж за вами шли своими ногами. И своими глазами вас видели. И своими ртами разговаривали. Почему потом они так?

– А кто их знает, почему. Я вот что думаю: кто рядом со спящим долго пробудет, тот потом сам как спящий. Разве нет? Не замечали? А потом, значит, спящий просыпается, ну и они как бы тоже, с ним вместе.

«А кто долго рядом с мертвым, тот сам как мертвый? А если мертвый – рядом с живыми, то он сам как живой?» – хотелось спросить нам, но мы не спросили: зачем задавать вопросы, ответы на которые очевидны, что способны запутать все дело.

– А собачка у вас какая приметная, – сказал Никита Валентинович. – И умная!

– Это да, – ответили мы, – очень умная.

И приметная. С этим тоже не поспоришь. Ни у кого в округе таких нету.

– Она мне в тот раз тоже снилась. Не укусила меня, когда я по берегу рядом с вашей машиной проходил. С ведром кальмаров. Темнотища, хорошо вы подсветили тогда, а то я упасть боялся, о ведро пораниться – там у него ободок залупился, я однажды об него руку сильно порвал. А зафальцевать все забывал да забывал.

– Вот ведро совсем не помним, чтоб вы несли, – сказали мы. – Чемодан вроде бы помним, а ведра у вас не было. Вроде бы.

– Да говорю ж, сон такой, – сказал Никита Валентинович, – сон. Мало ли что приснится.

Это точно: мало ли что приснится. Иногда вот тоже, думаешь-думаешь – может, приснилось все? В том числе и крест с табличкой «Фомиченко Никита Валентинович», выскакивающий на дорогу поперед прочих крестов и пирамидок, – может, снится он нам каждую поездку на пляж Пятого Бала? Может быть, повторное везенье Никиты Валентиновича ровно год спустя, только уже в январе, – приснилось нам? Никита Валентинович тогда опять здорово уснул, а проснувшись, объявил себя колоссальным кальмаром, которому удалось уйти от охотников; чтобы обмануть их окончательно, пасечник поставил себе крест и живет в буквальном смысле припеваючи, никого не узнавая и ни с кем не разговаривая, а лишь напевая все время какие-то смутно знакомые мелодии. Но в Южнорусском Овчарове это никого не волнует – кальмар так кальмар; мед с кальмаровской пасеки – лучший в районе.

Может, и мед снится нам в трехлитровой банке в шкафчике нашей кухни, и все остальное, включая Южнорусское Овчарово, нам тоже снится? Очень уж бывает похоже на сон. Однако сядешь в машину, заведешь, тронешься с места, а через полтора километра от дома – дорожный знак: «Южнорусское Овчарово». Его можно потрогать. Можно даже пнуть ногой. Он есть всегда – и днем, и ночью.

Даром что перечеркнутый с обеих сторон.

English teacher

В наше море только в кроссовках заходить – такое дело. На берегу тоже не очень разущься: узкая полоса пляжа хрустит под ногами битым ракушечником, и не каждая босая пятка вытерпит, когда в нее вонзаются колючие наросты устричных раковин.

Белые раковины устилают пляж полуметровым слоем. Слой очень плотный, улежавшийся, хорошо связанный армированной сеткой из длинных бурых водорослей и ламинарии. Гниющие водоросли пахнут ветеринарной аптекой, а раковины – задворками рыбного базара. Эти два запаха, слитые в один флакон, образуют самый восхитительный аромат, какой только создавала парфюмерная фабрика «Всякое дыхание да хвалит Господа». Дыхание моря хвалит Господа куда лучше всяких прочих дыханий. Понятно: научилось за столько-то лет. Если подойти к морю поближе, встать лицом к лицу, закрыть глаза – и – вдох, и – выдох, – можно почувствовать на своем затылке небесную длань. Заметили. Погладили по голове. Можно жить дальше.

А без моря совсем никак. Просто дышать нечем.

Южнорусское Овчарово отстоит от моря ровно на ноль сантиметров. Несколько его улиц, заигравшись в прятки среди дубов и даурских берез, выпрыгивают из леса прямо на край скалистого обрыва, под которым захлебывается в волнах узкая полоса спрессованного ракушечника. Если поймать время отлива и идти по ракушкам, задрав голову, прямо над собой увидишь в небе накренившиеся заборы. Ни один враг не заберется в огород, повисший над пропастью, но заборы с мористой стороны совершенно глухие, а некоторые даже сделаны из железа. Это не от врага. Это от ветра. Ветер здесь дует постоянно; если его нет, это означает, что через несколько часов будет тайфун, шторм и конец света.

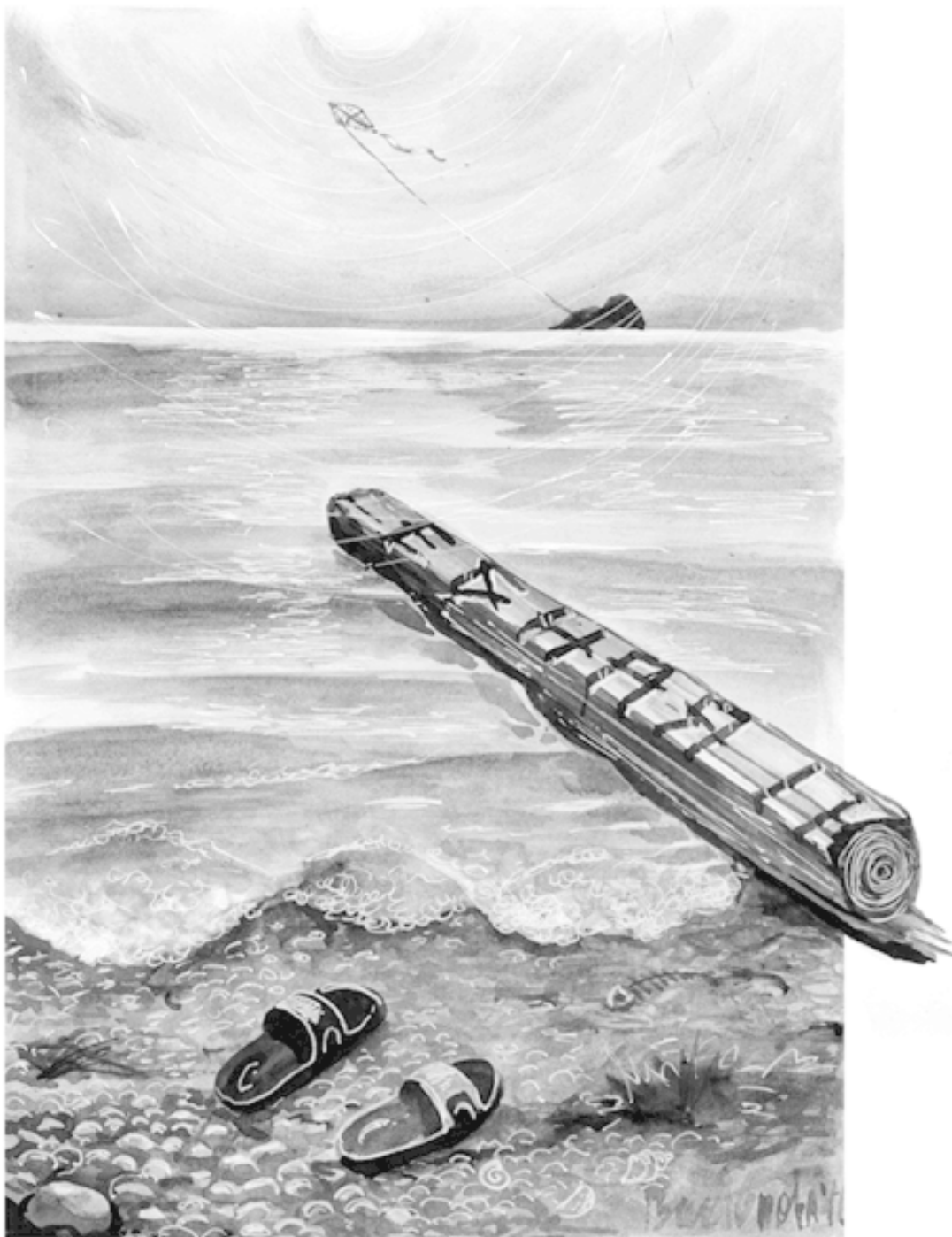
Внезапно, как будто пугаясь высоты, деревня отбегает в лес, уступая место легкомысленному березняку, дубам и соснам. Березы и сосны служат отвлекающим фактором, а все тяготы общения с тайфунами берут на себя дубы. Это специальные, прирученные дубы. Штатный персонал дворовой охраны. В мирное время, когда ветер с моря можно назвать бризом, охранники держат бельевые веревки, на которых обязательно сушится чья-нибудь красная майка.

Стоит пройти еще шагов двести, и о деревне, только что висевшей над головой, не напоминает уже ничего. Одурающее дыхание моря, небесная ладонь на затылке, хруст ракушек под ногами – так можно идти всю жизнь, но узкий пляж вскоре упирается в огромную скальную

глыбу: черный камень ростом с двухэтажку, не пройти и не проехать, разве что по воде. А в наше море только в кроссовках заходить. Такое дело. Но Самосвалыч дышит вместе с морем, его тоже гладит небо – он умный: у него с собой сланцы. С морской стороны на камне есть уступ и удобная площадка. Надо шагнуть в воду, а потом залезть на камень. Переобувшись в сланцы, Самосвалыч шагает в воду и, уцепившись за каменное брюхо, повисает на пальцах. Прямо в том месте, куда должна была ступить его вторая нога, плавал труп. После секундной оторопи Самосвалыча труп оказался брусом-топляком, но Самосвалыч позже рассказывал, что той секунды ему почти хватило, чтобы «нассать себе в тапки».

Если б не камень, прибой вынес бы дровину на пляж и уложил ее поверх бывших устриц, но вышло так, как вышло. Это был почти двухметровый обрезок бруса 20 × 20: из такого делают межэтажные перекрытия. Обрезок долго пробыл в воде, возможно – несколько лет: он был белый от соли и солнца, и волны облизывали его уже нехотя. Не стал бы Самосвалыч обращать внимание на топляк, найденный на берегу. Просто прошел бы мимо, и всех дел. Ну, может, наступил бы.

Он вытащил брус на берег. Зачем – сложно сказать. Может, чтоб к завтрашнему дню топляк не превратился в утопленника, за которого Самосвалыч и принял его в первую секунду. Но, вытащив находку на сушу и зачем-то перевернув мокрой стороной вверх, он увидел надпись. Судя по почерку, она была сделана топором. Когда-то глубокими буквами на топляке был вырублен недлинный текст: «ЕБНАЯ П».

– Так и вырублено: «ебная», – рассказывал Самосвалыч, – а «изда» отпилена, только «п» осталась. Не лень же кому-то было, топором-то.

Он привязал к дровине брезентовый собачий поводок и приволок ее к дому. Даже если бы кто-нибудь встретился ему по дороге, вряд ли б Самосвалыч вызвал удивление: в Южнорусском Овчарове чего только не волокут с моря. Старые кирпичи с печатями дореволюционного завода – зачем-нибудь (эти кирпичи водятся у побережья со стороны Третьего Мыса); ракушечник для отсыпки садовых дорожек; булыжники для выкладывания клумб или строительства заборных ростверков; водоросли для свиней или для огородной подкормки; Самосвалыч волок топляк. В конце концов, топляк был по-своему красив и вполне годился для какого-

нибудь ландшафтного дизайна. Только весил много: Самосвалыч его еле допер и бросил лежать у забора – до лучших времен, пока придумается применение в хозяйстве. Остаток дня и весь вечер топляк лежал в траве. Самосвалыч выходил в магазин за сахаром и видел дровину своими глазами. Исчезла она ночью, скорей всего – под утро: Самосвалыч говорил, что слышал сквозь сон собачий лай; факт тот, что утром, когда Самосвалыч свистнул своих ньюфов на морскую прогулку и вышел за калитку, топляка уже не было.

В тот же день в Овчарове случилось очень странное происшествие, связать которое с исчезновением бруса сперва никому не пришло в голову, да и мало кто знал о существовании топляка, притащенного Самосвалычем с пляжа. Мы знали: с Самосвалычем мы соседи по диагонали, это раз; во вторых, мы тоже любим море. С Самосвалычем мы регулярно встречаемся на берегу, выгуливая собак. Он рассказал нам про находку и ее исчезновение, но и мы сперва не провели никаких параллелей между топляком и тем фактом, что петухи Южнорусского Овчарова вдруг стали орать не «кукареку», а – почему-то – «cock-a-doodle-doo».

– Нам кажется, или петухи по-английски орут? – спросили мы Казимировых, и те ответили, что и им с самого утра кажется то же самое, но объяснить это невозможно, и мы согласились: да, объяснить невозможно, потому что когда кажется одному, достаточно перекреститься и все пройдет, а когда кажется двоим, то это уже не «кажется», а черт знает что, нас же было четверо, и все четверо слышали тем утром «cock-a-doodle-doo».

– Странно.

– Очень странно.

– Да и фиг с ним.

– Да и то правда.

Но вечерние петухи (а между утренними и вечерними – дурные дневные) тоже горланили нерусскими голосами, и к полудню следующего дня в деревне только и было разговоров, что о видоизменении петушиного крика. На фоне этой сенсации некоторое время оставался незамеченным тот факт, что овчаровские собаки – все как одна – стали гавкать словами «bow-wow».

Еще через день топляк обнаружился на Восьмом Квартале – черт знает как далеко от того места, где листья дикого винограда гасят солнечные блики на белом заборе Самосвалыча. Даже если бы топляк не был подписан, мы б его узнали: длина около двух метров, размер 20 × 20, цвет, фактура – все сходилось и без неприличного слова, вырубленного чьим-то безграмотным топором. Но нашел его на Восьмом Квартале электрик Виктор, который в свое время менял подводку от столба к нашему дому. Достав из гробика «Урала» две пары когтей, он сказал тогда:

– Эти – любимые, – и нежно погладил любимые когти, – а эти запасные.

Пара запасных так и не пригодилась. Все то время, пока Виктор сидел на столбе с фаворитами на ногах, нелюбимые когти лежали на сиденье мотоцикла. Почему-то их было очень жалко: казалось, они поскуливают, как поскуливал бы не взятый на охоту фокстерьер.

– Несусь такой, – рассказывал Виктор в очереди продуктового магазина, – а темно, хорошо медленно несся, лежит хуйня посреди дороги, ладно белая хоть. А была б черная, все, пиздец, не было б уже Витька. Плюс переднюю вилку менять.

– Белая, говорите? Длинная такая, около двух метров? Написано на ней что?

– Не читал. А что, ваша?

– Нет, но знаем, у кого пропала.

– Ну так она там валяется в кустах. Я ее в кусты оттащил, напротив водонапорной башни кусты которые. Тяжелая, падла. Метров пять протащил, чуть не усрался.

Хилому на толщину электрику, должно быть, действительно пришлось здорово потрудиться. Топляки – они крепкие, как камень, и такие же, как камень, тяжелые. Однажды мы уже имели дело с топляком: это была красивая коряга, выброшенная на берег в сильный шторм. До машины, стоявшей в двадцати метрах от берега, мы двигали ее не меньше часа, применяя рычаг в виде железного черенка сварной лопаты. И когда кое-как перекатали корягу на

брезент, а брезент прицепили к тросу и поехали, казалось нам, будто собственными руками вытолкали мы из ямы «КамАЗ», который и тащим теперь домой на буксире. На этой коряге мы развешиваем летом горшки с брамелиевыми; вспоминать, однако, каких усилий нам стоила доставка коряги в сад, мы не любим.

О том, что брус нашелся, мы сообщили Самосвалычу буквально сразу. Нам почему-то думалось, что Самосвалыч скорбит об утрате – все-таки вон откуда пер, пусть и на поводке, – но сосед махнул рукой и, поблагодарив все же за информацию, сказал:

– Да ладно. Не знаю, на хрена он мне нужен был.

А еще через день по деревне прошел слух, что двух семнадцатилетних сыновей директора водокачки увезли в город на операцию, потому что на лбу обоих парней внезапно появились странные продолговатые наросты, здорово напоминающие...

– Неловко сказать аж, – говорила почтальонша тете Гале, ожидая от нее подписи на заказное с уведомлением, – но буквально как половой член на лбу. Головка, извините, все дела, сперва думали инфекция, а теперь не знаю, что они там думают, ясное дело резать, и то теперь непонятно, как они тут жить станут дальше, хоть отрежут, хоть так оставят, все равно все...

– Wow! Wow! – залаял дворовый барбос тети Гали, и окончание почтальоншиной реплики осталось за кадром, хотя додумать было нетрудно: «будут смеяться». Все равно все будут смеяться, ни одна душа не посочувствует. Это понятно. Близнецы Трофимовы успели насолить даже нам: сгоревшая ель в дальнем углу нашего сада – дело их рук. В то знойное лето кто-то поджег сухую траву на пустыре, и, как назло, ни в одной ближайшей колонке не оказалось воды. Соседи, кинувшиеся отсекать огонь от заборов, не успевали принимать у нас ведра с водой, которую мы черпали из своего колодца – единственного на всю нашу маленькую улицу; а мы его и не ценили до той поры, пока не пригодился таким вот экстренным случаем. Елка вспыхнула сразу вся, снизу доверху – огонь подкрался к ней, пока его заливали совсем с другой стороны, – и сгорела факелом, разбрызгивая вокруг себя кипящую смолу; никак ее было не спасти, лишь бы другие деревья уберечь.

– Это трофимовские, – сказал фермер из углового дома, – крутились тут, видел. И, главное, как время выбрали – знали же, что водопровод будет отключен по всей деревне.

И вот теперь у трофимовских хулиганов выросло по хую во лбу: «Все равно все будут смеяться». Не жить им в Овчарове. Надо же, как бывает.

Трудно сказать, почему отсчет всех тех событий почти сразу – если не учитывать пропущенных петухов – пошел у нас именно с обретения и скорой утраты Самосвалычем топляка с непристойной надписью. Мы ведь даже не видели этот брус, только слухи о нем до нас доносились – из разных источников и всякий раз совершенно случайно – до тех пор, пока топляк не очутился наконец в нашем колодце. Но прежде чем мы все-таки собрались съездить на Восьмой Квартал, в деревне произошло еще несколько странных и бессмысленных в большинстве своем событий – таких же бессмысленных, как переход овчаровских петухов и собак на английский язык, но куда менее безобидных. Вскоре после случая с трофимовскими сыновьями внезапно рухнул высоченный глухой забор Ильяса Курганова, овчаровского магната, владеющего заводом по изготовлению шлакоблоков. Забор – из Ильясовой же продукции – упал прямо на его «паджеро», в то время как сам Ильяс принял на себя по меньшей мере кубометр отскочивших от капота блоков: один попал Курганову в надглазье и только тогда раскололся.

– Машина в говно, но хоть живы все, – говорила потом Алла Курганова.

А еще через день люди видели, как зловердный и важный глава муниципального образования «Южнорусское Овчарово» Сергей Иванович Мун (по прозвищу «Ким Ир Сен») среди бела дня открыл люк канализации в центральной, благоустроенной части деревни и прямо в голубой рубахе и в галстук залез туда – с подушкой, одеялом и тарелкой котлет, сообщив подданым, что у него дела. До самого вечера никто не осмеливался извлечь Ким Ир Сена из люка, а вечером он вылез оттуда сам, недоумевающий, смущенный и помятый. Мы не видели,

как он лез в люк, но стали свидетелями его вылезания, и это зрелище нас поразило; мы как раз проезжали через центр деревни, а быстро там не разгонишься, потому что в Южнорусском Овчарове все ходят прямо посреди дороги – и собаки, и кошки, и люди, – и на скорости два с половиной километра в час мы увидели растерянную толпу овчаровцев, и подумали даже, что кто-то умер, и, конечно, остановились узнать подробности; к счастью, все оказались живы, несмотря на то, что зрелище было умереть не встать; действительно, очень странно видеть, как начальник деревни выползает на тротуар из дырки в земле, а затем, даже не отряхнув с себя прах и тлен, садится в микроавтобус и уезжает прочь.

Мысль о топляке к тому времени уже прочно завладела нашими головами. Более других фактов нас интриговало то обстоятельство, что за очень короткое время тяжеленный брус оказался так далеко от места своей первой ночевки. Нам внезапно захотелось удостовериться, лежит ли он до сих пор в кустах возле водонапорки, куда оттащил его электрик. Проводив глазами микроавтобус с Ким Ир Сенем, мы изменили наши предыдущие планы и поехали на Восьмой Квартал. Обследовав кусты, мы не нашли там бруса, однако прямо от кустов, через поляну с лохматыми одуванчиками и сиротской мать-и-мачехой, шла ровная и узкая полоса мятой травы: если этот след оставлен не топляком, то чем же еще? Ведомые полосой, мы вышли к зарослям шиповника подле чьего-то недостроенного дома с обвалившейся стеной второго этажа и сразу же увидели то, что искали. Беспризорный, он валялся на куче строительного мусора, попирая собой битые шлакоблоки. Стянуть его вниз стоило некоторого труда, поскольку топляк потащил за собой и шлакоблочный лом, и пыль, и прах. Тем не менее он сдался практически без боя и улегся у наших ног, явив топорную надпись.

Никакой «ЕБНОЙ П» там не оказалось. На топляке было вырублено слово «АЛОЧКА». Молчаливые и задумчивые, мы перенесли брус в машину, транспортировали к себе во двор и осторожно, изо всех сил стараясь не ругаться – ни на мешавших нам собак, ни на капризную садовую калитку, – доставили его в сад, к колодцу. А потом, взяв поводки и пригласив псов на прогулку, пошли искать обрезок с текстом про ебную пэ.

Он валялся возле заброшенного дома, где когда-то, по рассказам соседей, жил чокнутый учитель английского, увезенный в психбольницу еще в середине девяностых годов. С тех пор его дом пустовал, а ближайший сосед – Самосвалыч – гонял прочь суханскую нищету, время от времени пытавшуюся разобрать учительскую развалюху на дрова. Из суханских ли кто-то, возвращаясь с моря, заметил крепкий топляк и вскоре бросил его, вспугнутый лаем собак Самосвалыча, или все было как-то иначе – мы были уверены, что никогда не узнаем, что произошло тем ранним утром, когда кто-то украл у Самосвалыча первую половину бруса. Но разгадка петухов и собак лежала гораздо ближе, чем мы думали.

В наше море только в кроссовках заходить. Такое дело: колючие наросты устричных раковин больно впиваются в пятки, и нет никакой возможности терпеть эту рефлексотерапию, разве что просто не обращать на нее внимания, как это делает овчаровская детвора, или – тоже вариант – разрешить ей быть, как это делал один наш знакомый. Собственно, познакомились мы с ним именно в то утро, когда пришли к двухэтажному куску скалы на берегу моря и зачем-то обследовали и сам камень, и его окрестности. Но ничего там больше не валялось и не плавало. То, что мы искали, следовало искать где-то в другом месте.

– How do you do.

Мы обернулись. Хватаясь за кусты шиповника, по отвесной почти скале спускался к пляжу человек странного вида. На человеке был надет пиджак, на человеке была надета бабочка-галстук, человек был бос, человек улыбался лучезарно.

– My name is Mister, – сказал он, свалившись на нас с неба. – I'm from Great Britain. Where are you from?

– Wow-wow, – осторожно barked наш пес.

– From here, – we said.

Конечно, это был он: сложно себе представить, чтобы в истории одной и той же деревни – пусть это даже Южнорусское Овчарово – было двое сумасшедших, считающих себя подданными британской короны. Наш новый знакомый был абсолютно убежден, что родился на берегах – не Темзы, нет, но Эйвона.

– Тут очень колючее дно, – сказали мы, глядя, как босой Мистер снимает пиджак, брюки и бабочку. – The bottom here is very prickly.

– Let it be, – легко засмеялся Мистер и так же легко зашел в воду. – Let it be.

До обеда мы купались с Мистером в нашем мелком море, не спрашивая его больше ни о чем; было очевидно – да он ведь и сам сказал, – что он только что прибыл из Великобритании. Данный факт доказывался тем простым обстоятельством, что Мистер совершенно не понимал русского языка; английский же его был безукоризненным. Уже по дороге в деревню, возвращаясь после купания, мы услышали от Мистера о Уэстминстерском аббатстве, Тауэре и Trafalgar Square, и за приятной беседой незаметно подошли к околице, и увидели дом Самосвалыча, а за ним – an old house, возле которого стояла серая ambulance с распахнутыми дверцами. Блики полноводного Эйвона в глазах Мистера сделались похожими на блики, играющие на дне колодца. Прятаться было поздно: the hospital attendants noticed us; оставалось бежать. И мы побежали, подхватив Мистера под локти. The grey ambulance moved too.

Все дальнейшее можно было бы назвать исключительным чудом, если бы не знали мы точно, что настоящие чудеса остаются без внимания их прямых очевидцев, а все, что кроме, – обычная повседневная реальность и быстрота реакции. Мы подтащили запыхавшего Мистера к нашему колодцу, возле которого лежали две двухметровые дровины 20 × 20, после чего все произошло само собой. Мистер, увидев знакомый брус, присел на корточки и взялся за торцы топляков, а мы просто помогли ему приподнять их:

– Who are you? Where do you live?

Возле ворот хлопали дверцы скорой помощи.

– I am an English teacher, – Mister answered confidently. – I live in Stratford-upon-Avon.

– Сбежал? – Санитары мяли в руках длинную ткань и какие-то другие приспособления, не вызывающие ни доверия, ни – тем более – симпатии.

– Простите, – сказали мы, – кто сбежал?

– Да этот же, псих, с вами был, – сказали санитары. – Англичанин ебанутый.

– Кто-кто? – засмеялись мы. – Какой еще англичанин? Нашли, где англичан ловить – в Южнорусском Овчарове. Это вам в Англию надо.

Смущенные санитары отказались от нашей помощи, когда мы предложили им показать дорогу в Великобританию. Единственное, о чем они попросили, – «в случае чего» позвонить по вот этому телефону, который они сейчас напишут нам на клочке газеты, если, конечно, найдут ручку или хотя бы карандаш. Но ни ручки, ни карандаша не нашлось у санитаров, и мы протянули им топор:

– Напишите этим.

И показали брус, который остался у нас после строительства сарая. Санитары вырубili номер телефона и уехали, а мы перевернули брус телефоном вниз.

Другой брус, познавший долгие воды и побелевший от соли и солнца, к тому моменту уже покоился в нашем колодце обеими своими половинами. Мы сбросили его туда наспех, когда воздух за Мистером сдвинулся и перестал дрожать, и только потом сообразили, что поступили должным образом. Все остальное было бы чудовищной ошибкой. Единственный человек, который мог прикасаться к топляку без всякого риска для других, был нашим приятелем, да и тот преподает английский в Стратфорде; наверное, можно было бы съездить к нему в гости, но не потащишь же дровину в четыре с лишним метра с собой в Англию – хватит и того, что наши местные петухи и собаки заговорили на языках (правда, ненадолго: после отбытия санитаров все вновь стали кукарекать и лаять как ни в чем не бывало).

В деревне после исчезновения Мистера изменилось единственное – мы сами. Мы научились заходить в наше море босиком, как это делают дети и некоторые англичане. Еще – мы нашли тот небольшой отпил бруса, на котором были вырублены буквы «ВОЛШ». Как нетрудно догадаться, искать недостающую часть топляка следовало в заброшенной лачуге бывшего учителя. Мы нашли обрезок в изголовье его кровати. В отличие от двух других частей, «волш» придерживался сухопутного образа жизни, ни разу не повидав ни моря, ни какой другой воды. Мы принесли его к себе и сбросили, вдогон к «алочке» и «ебной п», в колодец. И что-то случилось с его водой: с тех пор в колодце никогда не понижался уровень. Какое бы засушливое ни было лето, вода в нем всегда держится у верхней отметки, а на вкус она такая, что никакого лимонаду не надо. Мы возили колодезную воду на анализ: в ней нашли много серебра и всю группу витамина В.

И никогда – ни при каких обстоятельствах – не пытались мы больше прибегнуть к помощи топляка. Лишь в глубоко пасмурные дни, когда нас абсолютно точно не видно с неба, мы подходим к колодцу и тихо шепчем его полной воде:

– Let him be happy. Let him be happy.

«Таун-эйс»

– Мы там застряли напрочь, – Марина Владимировна отрывает кусок вяленой камбалы и сует в рот длинное спинное мясо, – сели по самые уши. Поехали, блин, короткой дорогой.

У них с Петром Геннадьевичем на тот момент была «делика», а это практически джип. Но сесть по самые уши в Южнорусском Овчарове можно хоть на луноходе, просто места надо знать.

Мы тоже знали такие места. Например, если ехать к Овчарову с федеральной трассы и свернуть направо после указателя «РВС», увязнуть можно примерно через три километра, хотя сперва ничто не предвещает.

Лесная грунтовка в своем начале такая широкая, что запросто могут разехаться два междугородных автобуса, если, конечно, обоим приспичит поехать в лес и там встретиться. Затем грунтовка начинает петлять и сжиматься – она делается все уже и уже, пока в один прекрасный момент ветки деревьев не начнут хлестать борта вашей машины с обеих сторон. Тем не менее дорога еще вполне сносная; вы едете по ней, подгоняемые любопытством и тягой к краеведению – куда же, куда же она вас приведет? – на заброшенную военную базу? – на водохранилище? – куда? – пока совершенно внезапно, загадочно и необъяснимо впереди машины не встанет сплошной стеной лес: дорога с разбегу тычется мордой в столетние дубы и кедры, ни пройти, ни проехать, никакого просвета в глухой и темной чащобе. И вы отползаете – два километра задним ходом, в любой момент рискуя съехать задницей в экологически чистый кювет, – и молча радуетесь, что баба-яга не съела вас вместе с машиной, или что леший не выпрыгнул из кустов орешника и не хлопыстнул дубиной – просто так, от лесной скуки – по лобовому стеклу.

Или, например, еще одна дорога, прекрасная и ровная, только что не асфальтовая: вы мчитесь по ней сквозь тайгу и пугаете фазанов, как вдруг под колеса вашей машины бросается болото. Болото не слишком большое, метров десять в поперечнике. Возможно, оно мелкое; возможно, это не болото, а большая лужа. Возможно, лужа легко преодолима вброд, но – на противоположном ее берегу нет продолжения дороги: только трава-мурава да зонтики тысячелистника, над которыми летают бабочки.

Дорога, по которой ехали наши приятели, тоже имеет свою особенность. В одном месте она делает петлю вокруг камышового островка. Ничего сверхъестественного. Но, обогнув островок, вы очень скоро обнаруживаете, что едете в противоположном направлении. Знающие люди петлю игнорируют: они в курсе, что следует ехать прямо и только прямо, невзирая на то, что под колесами машины какое-то время немного чавкает и проседает грунт. Эти несколько десятков метров чавкающей пустоты нужно проезжать таким образом, как будто дорога никуда не исчезала. Сбоку от невидимого тракта идет не очень глубокий, но довольно зловредный овражек, скатившись в который, вы не выберетесь наружу без помощи трактора. Зловредность овражка заключается в том, что в нем растет высокая трава: ее верхушки приходятся точно вровень с травой, по которой едете вы. Очень пакостный овражек. Очень похоже делающий вид, что его нету.

– Мы топор купили перед этим. В автобусе лежал. Наверное, тонну лапчатника под колеса нарубили, и все без толку.

Марина Владимировна и Петр Геннадьевич поселились в деревне годом позже нас. Они тоже городские, только приехали в Южнорусское Овчарово не из Владивостока, а из Южно-Сахалинска. В тот зимний день они возвращались домой, припозднившись у знакомых в райцентре, – и в кои веки официальный прогноз погоды себя оправдал: синоптики обещали большой снегопад, и большой снегопад сбился, скрутив небо и землю в бараний рог – ни черта не видать, разве что ощупью пробираться сквозь пургу.

– Ну и пошли пешком. – Марина Владимировна вытирает руки, мнет салфетку и делает глоток пива. – Хорошее пиво, вы где берете?

Мы берем пиво у деда Наиля. Темное, почти портер.

– У Наиля?! – Марина Владимировна округляет глаза. – Seriously, что ль?

Вполне серьезно. Почему нет? Все знают, что дед Наиль варит хорошее пиво.

– Хороший дед, – говорим мы. – Вы его знаете?

– Как бы это сказать... – Марина Владимировна на несколько мгновений как будто зависла. – Знаю немного. Он нас в работники к себе не взял.

– Вас? В работники?

У Марины Владимировны с Петром Геннадьевичем свой строительный магазин с гигантским, по местным меркам, оборотом.

– Дедушка нам с Петечкой странноватым показался, – говорит Марина Владимировна, – хотя грех говорить, конечно. Он ведь нас спас практически.

«Странноватым показался». Да тут половина деревни странноватых. Одна Суханка чего стоит: странноватый на странноватом сидит и странноватым погоняет. Всеи улицей лакают средство для омывки автомобильных стекол и закусывают конфетами с кладбища. Благо оно у них под боком.

– Мы, когда застряли, пошли искать кто вытащит, а пурга, не видно ни черта, и темнеть начинало – мы уже поняли, что дело дрянь, лишь бы самим до жилья дойти. Идем, а следов за нами не остается, все тут же замечает. И дороги не видать. Непонятно вообще было, по дороге идем или уже в болота свернули.

Дом деда Наиля – крайний в ряду тех самых домов, которые в двух километрах от каменной стелы. Сперва вы увидите именно дом Наиля – он стоит сильно особняком: так, как будто это единственное жилье в лесу. Лишь подойдя поближе, можно рассмотреть за деревьями крыши соседних домов. Дом Наиля отделен от других большим пустырем с осколками одичавших фруктовых садов: по краям пустыря местные сажают картошку, а в середине пасут телят. Расстояние между Наилем и его соседями было таким огромным не всегда. Много лет назад на месте пустыря стояло еще три дома, но один сгорел, а два развалились от старости и беспризорности.

– Когда мы крайний забор пинать стали и орать, уже совсем стемнело, – рассказывает Марина Владимировна.

Они здорово измучились, бредя против ветра по сугробам и принимая в лицо снежные заряды. По словам Марины Владимировны, им обоим уже не было дела до брошенной «делики» – лишь бы самим выбраться из передраги, в которую попали так легкомысленно и глупо.

В Южнорусском Овчарове есть уйма мест, где ваш телефон не покажет ни одного деления антенны. Сотовая связь есть везде, но – в этом и заключается трагический комизм ситуации, – например, там, где берет «Мегафон», напрочь отсутствует сеть «Билайна», и вы вполне можете дожидаться ишачьей пасхи возле чьего-нибудь забора, не сумев докричаться до хозяев и дозвониться до друзей – ведь у вас «МТС», а забор, под которым вы умираете, входит в зону покрытия локального «Акоса».

– Мы ж еще из той канавы, где застряли, пытались друзьям звонить: мертво все. Возле наилевского дома тоже ни одной антенки. Хоть ложись в снег и пропадай пропадом.

Двум трезвым людям замерзнуть в снегу возле самой деревни – ну чушь же собачья, а? Марина Владимировна качает головой и отхлебывает пиво:

– Надо же, дед Наиль пиво варит, оказывается. ...Мы поняли, что не достучимся. Чего там можно было услышать, ветер же. Собаки – и то молчали. И до следующего дома чуть ни километр еще.

Собаки действительно молчат в пургу. Дрыхнут в своих будках – пусть воры хоть забор хозяйский разбирают, собаки в пургу ни за что не проснутся. Но нету воров в Южнорусском Овчарове.

– Так что, когда нам открыли, мы даже удивились, – говорит Марина Владимировна.

Дед Наиль открыл калитку и проводил путников в дом.

– Раздевайтесь, – сказал он, – гости дорогие. Вот вас угораздило. Хорошо, что я за лопатой пошел, а? Лопату забыл занести. Как, думаю, завтра откапываться-то буду. Раздевайтесь, сейчас ужинать станем, переночуете – место есть, а утро вечера просветлее.

– Он так и сказал: «просветлее», – говорит Марина Владимировна.

По словам Марины Владимировны, большой с виду дом деда Наиля состоит ровно из одной комнаты, две трети которой занимает здоровенная печь с полатями и хайлом.

– Ну натурально бабкоёжкин дом, только ступы не хватает.

Печка топилась у Наиля вовсю. Дед освободил скамейку у задней печной стены – на скамье были навалены дрова, дедовы полушубок и валенки, – усадил гостей греться, сунул им в руки по рюмке с чем-то голубоватым на просвет и велел выпить с морозу.

– Я прям поразилась, – говорит Марина Владимировна. – Джин, думаю, что ль?

– Это джин, – сказал дед Наиль вроде бы даже смущенно. – Я водку не очень, поэтому в доме не держу. Извините старика.

А затем позвал за стол.

– Вот чего мы так и не поняли, когда он успел все это наметать. – Марина Владимировна разводит руками. – Скатерть-самобранка буквально. Минуту назад пусто было, он нас еще когда за печку вел, газету со стола убрал, я обратила внимание, что стол самодельный. Дощатый, старый очень, но чистый – следы на столешнице от ножа, как если б скребли недавно... Таз жареных цыплят – это первое, что я разглядела. И рядом с ним бутылку джина. Она была в снегу, как будто дед ее из сугроба вытащил и не обтер даже. Снег стаивал прям на скатерть. Он скатерть постелил. Белую в голубой узор.

Льняная скатерть с острыми поперечными складками. Сразу было видно: хранилась аккуратно сложенной. Закопченный чугунок с борщом дед Наиль поставил туда же, на голубой узор скатерти, и странным диссонансом смотрелись рядом с чугуном хрустальные стопки с серебряными доньшками. В стопках голубыми огоньками отсвечивал джин. К джину были поданы: огромные миски маринованных белых грибов и соленых груздей в сметане; кастрюля квашенной капусты с луком и подсолнечным маслом; гора отварной картошки – на ее вершине таял, стекая к подножью, кусок сливочного масла; провесная селедка, не нарезанная поперечными ломтиками, а напластованная на филе вдоль хребта; мороженное сало («Под джин!» – восклицает Марина Владимировна, считающая подобный тандем оксюморном) и булка хлеба, порушенного, по числу участников застолья, на три части.

– Мы, – говорит Марина Владимировна, – ужасно голодные были. А это, на столе которое, – оно так пахло. Борщ чесночный, с травками какими-то. Тарелки размером с тазик. Дед наполнил тазики до краев. Мы борщ съели и, в принципе, могли б еще чего-нибудь съесть – грибочек, например. А дед наши пустые тазы схватил, умчался с ними в угол куда-то, вернулся с чистыми, покидал в каждый по курице, картошку, говорит, сами положите, грибочки, капуста, не стесняйтесь, кушайте, говорит, восстанавливайте силы. И сам ел так, будто с голодного края только что – цыплят одного за другим, да с картошкой, с хлебом – как в него умещалось, уму непостижимо.

Марина Владимировна и Петр Геннадьевич все же справились со «вторым» и, едва живые, откинулись на спинки стульев. Еще в середине еды Петр Геннадьевич извинился и запустил руки под скатерть – ослабить ремень. Марина Владимировна мечтала расстегнуть лифчик. Когда гости оказались не в силах запихнуть в себя хотя бы еще один, самый маленький кусочек снеди, дед Наиль стал есть чуть-чуть медленнее – видимо, тоже уже начал наедаться, – но прекращать ужин не спешил.

– Он поочередно съедал все, что стояло на столе, – говорит Марина Владимировна. – Мы смотрели и глазам не верили, а он все пододвигал и пододвигал к себе тазы и кастрюли – с грибами, с капустой, с солеными огурцами, с селедкой, с картошкой – и все это дело методично уминал. Последним оставалось сало – он и сало съел, уже, правда, без хлеба, как вроде бы десерт. Только джином запивал.

Усталость, тепло и невыносимая сытость давно разморили гостей, но дед Наиль больше не обращал на них внимания. Он ел сосредоточенно и очень буднично, как будто выполнял давно привычную работу, которую мог бы сделать и на ощупь, с закрытыми глазами. Казалось, прошла целая вечность, когда он, в конце концов отужинав, встал из-за стола.

– Я ожидала увидеть брюхо, как у гоголевского Пасюка, но Наиль за время ужина толще не сделался. Как садился за стол худой, так худым из-за стола вышел. Словно все эти килограммы еды сквозь него в пол прошли, – говорит Марина Владимировна.

– Спать ляжете на печи или под печой? – спросил дед Наиль.

– Под печой, – ответил Петр Геннадьевич.

Наиль кивнул, явно довольный. Видимо, лежак на полатах был его царским местом. Под гостевую опочивальню отводились две лавки, которые Наиль поставил у печки впритык друг к другу. На лавки он бросил травяной тюфяк. К удивлению гостей – они все еще чему-то удивлялись – дед Наиль выдал им комплект хрусткого от крахмала постельного белья.

– Блох нету у меня, – сказал Наиль, – вы не бойтесь. У меня вообще никого нету.

Последнюю фразу, как показалось Марине Владимировне, Наиль произнес не без печали.

Она легла у печи. Петр Геннадьевич занял место с краю. «Под печой» они мгновенно провалились в сон. А вынырнули из него, казалось, через минуту, но за окнами уже было светло.

– Утро, – сказал Петр Геннадьевич.

– Угу. Вечера просветлее, – добавила Марина Владимировна.

Деда Наиля в доме не было. Гости успели встать и даже умыться, когда он вошел – румяный и распаренный, как будто из бани.

– Встали? Ну молодцы. А я снег чистил и вас разбудить боялся.

Каким образом можно было нарушить их сон, расчищая от снега двор, ни Марина Владимировна, ни Петр Геннадьевич не спросили. Тем более что дед Наиль, сбросив ватник у печки, потер руки и сообщил:

– Ну, завтракать садимся.

Завтрак он накрыл на три персоны – поставил на стол трехлитровую банку молока, яичницу из трех десятков яиц, разрезанный натрое хлеб и доску сала. Сковорода с толстой яичницей стояла посреди стола; хозяин выдал гостям вилки, а сам ел ложкой. Марина Владимировна говорит, что они с Петром Геннадьевичем совместно съели пять яиц, остальные двадцать пять уговорил дед Наиль, заедавший яичницу салом и хлебом.

– Мало еды едите, – сказал он, допивая молоко. – Не годитесь мне в работники.

Гости сочли фразу шуткой и вежливо хмыкнули в ответ.

После завтрака Петр Геннадьевич вызвался сходить в разведку и выяснить, есть ли у них с Мариной Владимировной возможность выбраться из гостеприимного дома. Снег еще шел, но ветер стих. Дойдя по расчищенной Наилем, но уже вновь припорошенной дорожке до калитки, Петр Геннадьевич открыл ее и очутился лицом к лицу с полутораметровым сугробом. Всю ночь снег наметало к заборам с надветренной стороны, и о том, чтобы с ходу преодолеть этот бруствер, не было и речи. Петр Геннадьевич вернулся в дом и попросил у Наиля лопату.

– Спешите? – спросил дед. – Дела?

– Да нас дочь уже потеряла, – сказала Марина Владимировна. – Телефоны не берут тут у вас.

– У меня нет вон телефона, – сказал Наиль. «И как-то обхожусь», – ожидала услышать Марина Владимировна, но дед промолчал.

Проход от калитки до дороги они пробивали втроем: дед Наиль и Петр Геннадьевич орудовали деревянными лопатами, Марина Владимировна держалась в арьергарде и зачищала тропу фанеркой. На дорогу нападало не более полуметра: пройти по ней, хоть и с большим трудом, было все же реально.

– В общем, выбрались, – говорит Марина Владимировна. – К обеду были дома.

– К обеду? – смеемся мы. – Здорово. Повезло.

– Да. Наиль уговаривал у него поесть, но мы не рискнули. Тогда бы точно никуда не ушли.

– А что «делика»?

Марина Владимировна допила пиво и сказала:

– А мы ее не нашли.

– То есть?

– Да очень просто. Помните? После того снегопада резко плюс был, все растаяло, мы туда приехали на моем «вице», к овражку. Ну что – издали еще увидели автобус. Подъезжаем, а это не «делика».

– В смысле?

– «Таун-эйс» там был.

– Вот это номер.

– «Эйс» был с номерами, кстати.

– И что дальше-то? Искали «делику»?

– Нет.

– Почему?!

Марина Владимировна покрутила в руках скелет камбалы.

– Странное это место, Овчарово, – сказала она.

– Ну, это-то да, – согласились мы. – Так почему вы «делику» в угон не заявили-то?

– Да потому, – сказала Марина Владимировна, – что мы, когда «таун» увидели, чуть там и не спятили.

– Да почему?! Ну застрял кто-то, не вы же одни ездите.

– Да потому, что «таун-эйс» этот – наш.

– Как это?

– Ну вот так это. Он у нас до «делики» был, и его у нас угнали. Пацаны, сопляки. Покатались, тюкнули – всю харю, говорят, разворотили, – и с Де-Фриза в море утопили. Мы ездили туда, смотрели – лежит такой на дне. Метрах в пяти от берега. Толку-то доставать, всей электронике каюк. Плюнули, «делику» вот купили.

– Вот это да.

– То-то и оно.

– Именно тот?

– Именно тот. Только целый. Если обивку не считать сзади, но это уже к Петечке вопросы.

– А что Петечка-то?

– А Петечка мой Геннадьевич арматуру любил в автобусе возить. У нас когда ростверки под забор делали, Петечка на доставке цемента и арматуры экономил. Весь салон угваздал и арматурой обивку прорвал в двух местах. Но это фигня, конечно.

Мы молчали, очарованные фигней. Глупо было произносить вслух версию о том, что на морское дно возле Де-Фриза кто-то уложил «делику», предварительно достав со дна «таун-эйс» и воткнув его в овраг на въезде в Южнорусское Овчарово. Наверняка все было намного проще, но как – мы не понимали. Да и обижать Марину Владимировну не хотелось.

– Наверное, это совпадение какое-то, – сказали мы, стараясь быть максимально тактичными. – Бывают всякие странные совпадения.

– Ладно, – сказала Марина Владимировна, – рассказывать так рассказывать. На «делике» Наиль теперь ездит. Говорит, она у него четвертый год. Документы показывал. Ну и действительно – четвертый. Но это наша «делика», сто процентов. Даже – не смейтесь – наш топор сзади лежит. Он его с собой возит почему-то.

Мы опять надолго замолчали. Автомобильная часть истории в головах наших не умещалась – бесполезно было даже пытаться осмыслить.

– А вы вообще-то в курсе, что вашего дома нет на гуглокартах? – спросила вдруг Марина Владимировна.

– В курсе, – ответили мы. – Не только нашего дома там нету.

– Ага, – кивнула Марина Владимировна, – всей улицы нет. Интересно, как это может быть? Суханка есть, Пригородная есть, Косой переулок через овраг от вас – на месте, а вашу Суворова – как корова языком.

Опять помолчали.

– Вообще, он нормальный такой дед вроде бы, – сказали мы, не очень уверенно возвращая тему к деду Наилю.

– Нормальный, – согласилась Марина Владимировна, оставив в покое остов камбалы. – Только машины тырит да жрет больно много.

– Ну, может, болезнь у него какая.

Марина Владимировна хмыкнула и покачала головой.

– Вы не поняли, – сказала она. – Вы не поняли.

Она снова начала крутить в пальцах рыбий хребет.

– Понимаете, – сказала Марина Владимировна, – столько, сколько он съел тогда за ужином – черт с ней, с «деликой», – даже не знаю, как и сказать-то. В общем, человеку столько не съесть.

Марина Владимировна положила на стол остаток камбалиного скелета.

– Нет, – сказала она, – мы с Петечкой ничего, не против. Мы же понимаем, что, если б не Наиль, нам бы конец. Так что черт с ней, с «деликой», ей-богу.

Она помолчала немного и добавила, уже вставая из-за стола:

– «Таун-эйс», к тому ж, ненамного хуже. Обивку зашила я, ничего, нормально. И, главное, никакой там в нем воды внутри не было, так что не тонул он ни фига.

– А где же он был-то?

– Ай, да кто же его знает, – сказала Марина Владимировна. – Кто же его знает.

Семь звёзд

«Какая пошлятина, – думал Жмых, не умея отделаться от одноглазой цыганки, – какая пошлятина».

– В сорок четыре берегись товарища. – Гадалка смотрела куда-то вбок и виртуозно сминала жмыхову десятку. – Твои корабли попадут в плен, а офицер на белом коне будет предвестником смерти, но причиной станешь ты сам, а до этого много горя испытаешь в короткий

срок. Товарищ обманет, жена уйдет, и дом твой вскоре сгорит, а в доме сгоришь и ты. Избежать смерти сможешь, если...

Если б не гудок электрички, Жмых бы знал, каким образом сможет избежать смерти. Но когда электричка наконец проехала, цыганки на платформе уже не было. Она попросту исчезла. Как и чемодан, только что стоявший у ног Жмыха. «Корабли... – Жмых хотел было сплюнуть на платформу, но в пересохшем рту не оказалось слюны. – Корабли, блядь. Я список кораблей прочел до середины». В украденном чемодане лежал красный филологический диплом. «Почему не в тридцать семь? – подумал Жмых и сам себе ответил: – Какая пошлятина».

Через двадцать два года Жмых произнес эту фразу вслух, когда судебные приставы сели в белый «круизер» и уехали прочь. Один из приставов был смазливый и жеманный, а фамилия у него была – Дантечко.

– Какая пошлятина, – сказал Жмых.

Оказалось, впрочем, что жить можно и без рыбодобывающей компании. Тем более без такой невеликой, какая была в собственности Жмыха. Подумаешь – семь сейнеров. «Цаворит», «Пироп», «Альмандин», «Гелиодор», «Цитрин», «Эвклаз» и «Оникс». Подумаешь – пять с половиной миллионов долларов. Подумаешь... Жмых подумал, сел на пол и заплакал.

– Господи, – подвывал он, – ну какая пошлятина, Господи.

Цыганка была лгуньей: жена ушла на три месяца раньше, чем сейнеры очутились под арестом и были выставлены на аукционы в пользу кредиторов. Она ушла даже до того, как друг и партнер Жмыха украл все деньги компании и сбежал в страну, не выдающую России предателей детства. Когда белый «круизер» с приставами уехал, Жмых сел на пол возле опечатанного офиса и просидел там до ночи, не сводя глаз с луны, маячившей в торцевом окне длинного, как железнодорожная платформа, коридора.

– Что ж теперь делать, Господи? – тихонько провыл Жмых, съехал спиной по стене, лег на пол и неожиданно, прямо на полу, уснул. Решение пришло во сне. Оно казалось таким стройным и красивым, что спящий Жмых засмеялся от счастья. Сделать предстояло всего ничего:

- расширить слуховое окно;
- настелить поверх рубероида двухдюймовые доски;
- заменить семь обгоревших досок ската свежими;
- сесть возле окна и написать роман зубочисткой.

Решение, во сне такое понятное и приятное, оскорбило проснувшегося Жмыха отсутствием логического конца и логического начала. Однако сон запомнился весь, целиком, и даже запах из этого сна преследовал Жмыха до середины дня – запах гари. «Какая пошлятина, – подумал Жмых, – дом мой еще не сгорел, а уже так воняет». После обеда свободный от обязанностей и обязательств Жмых принимал в своей шикарной, с видом на море, квартире агента по недвижимости.

В Южнорусское Овчарово он прибыл налегке: никаких грузовиков с мебелью, никаких ящиков и картонных коробочек – только яркий новогодний пакет, полный денег. По дороге Жмых остановил машину возле Лёхиной «Лагуны», зашел и купил там хлеб, сыр и пиво. Расплачивался из мешка, сдачу вбросил туда же (деньги – к деньгам), сыр и пиво положил в карман, а хлеб сунул подмышку. Затем сел в машину и поехал покупать себе дом после пожара.

– Не подскажете, кто-нибудь продает дом после пожара? – спрашивал Жмых овчаровцев, высовываясь из окна машины.

– Дом после пожара? Надо подумать.

Жмыху давали адреса, говорили: «Ну, значит, поедете прямо, а потом...» – и показывали дорогу пальцем, но все было не то. Он приезжал к указанному месту и даже не выходил из машины: пепелища, поросшие давним бурьяном и заваленные ровным снегом, его не интересовали. Жмых искал совсем другое – и, наконец, нашел. Это случилось на четвертый день его поисков, хотя могло б случиться и раньше, если бы ему повезло сразу встретиться с дедом

Наилем. Но Жмых пересекся с ним во вторник утром, а впервые покупал овчаровский хлеб в пятницу вечером.

– Знаю такое дело, – кивнул Наиль, обошел красный Жмыхов «террано» и, без спросу открыв пассажирскую дверцу, взлез на высокое сиденье. – Сейчас поехали прямо, потом сверни промеж столбов. Здесь направо, ага.

Через семьсот метров улица кончилась, и Жмых остановил машину под огромной заснеженной черемухой. «Летом здесь будет тень», – подумал он.

– Вот, – сказал Наиль и полез наружу.

Жмых заглушил двигатель и ступил на снег. За невысоким дощатым забором стоял одноэтажный дом. Даже издали было видно, как сквозь дурацкую голубую краску вокруг чердачного окна проступает гарь. Жмых кивнул и вопросительно глянул на своего проводника.

– Марковна, – крикнул Наиль. – Марковна! Ты дома?

Через полчаса Жмых отвез Наиля обратно, затем вернулся под черемуху, а еще через час они с Марковной усаживались за стол районного нотариуса, работающего в овчаровской аптеке раз в неделю, по вторникам, с десяти утра до трех пополудни.

Жмыху было абсолютно наплевать, что о нем подумают его будущие односельчане. Но, вероятно, он бы здорово удивился, если б знал, что будущие односельчане не думают о нем ничего. Что касается пакета с деньгами, то в Овчарове были и другие похожие случаи: взять хотя бы историю с осевшими в деревне узбеками, которые однажды решили выкупить под минарет одну из пяти водонапорных башен и пригнали в сельскую администрацию двухколесную тачку денег. И все нормальные люди при покупке дома осматривают чердак, потому что он может оказаться никуда не годным. Чердак в доме Марковны был никуда не годным. Ну, почти никуда и почти негодным.

Сперва люк не поддавался, им давно не пользовались, деревянная его дверца лежала так тяжело и плотно, что казалась прибитой изнутри к чердачному полу. Жмых попросил топор и принялся осторожно раскачивать и расширять зазор между крышкой люка и потолком. Прошло не менее четверти часа, прежде чем крышка поддалась. Жмых вдохнул воздуха впрок, подтянулся на локтях и нырнул в чердак, как в омут.

На чердаке была комната. В ней имелось крохотное слуховое окно, в которое едва ли можно было просунуть голову. Сквозь стекло просачивался неопрятный серый свет. Этот свет создавал иллюзию дождливой погоды, в то время как на дворе – и на веранде, оставшейся где-то там, за пределами – все искрилось и сверкало. Жмых отряхнул колени, подошел к окошку и попытался выглянуть наружу. Стекло было настолько грязным, что выглядело закрашенным желто-серой краской. Жмых скребнул по стеклу ногтем. На грязи и копоты появилась царапина, сквозь которую тут же просунулось лезвие света, вспоровшее ближайший сумрак чердака. Жмых даже вздрогнул от неожиданности. Он посмотрел на царапину, затем на ноготь. Под ногтем притаилась колбаска жирной оконной грязи. Жмых выкатил колбаску указательным пальцем левой руки, немного помял ее и – загрузил царапину. Ему показалось, что чердак облегченно вздохнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.